

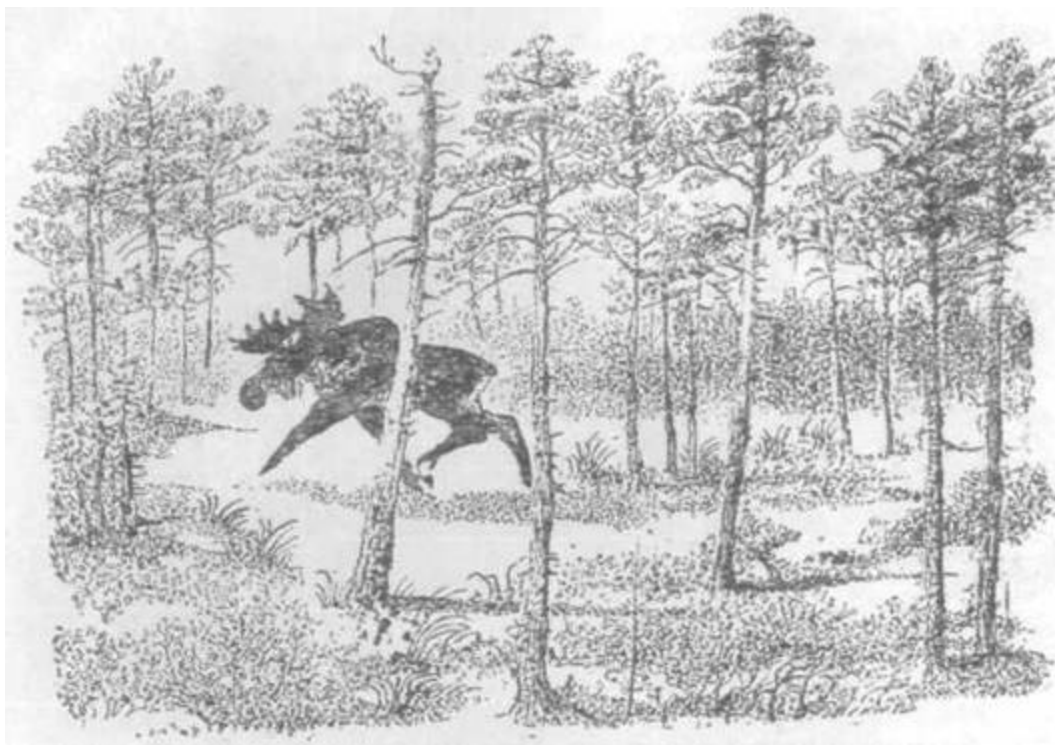
Виталий Бианки

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ

Издательство Детская литература

ОДИНЕЦ

ЧАСТЬ I

Глава 1

ОДИН ПРОТИВ ЧЕТЫРЕХ

Лось низко опустил голову, грозя поднять на рога каждого, кто приблизится к нему спереди. Задом он прижался к двум сросшимся у корня деревьям — и был надежно защищен с тыла.

Собаки обступили его полукругом. Их было три, и любая из них могла схватиться один на один с волком.

Ощетинив шерсть, захлебываясь от злобы лаем, они когтями рвали под собой землю. Они ждали только удобного момента, чтобы, подскочив, вцепиться зверю в горло, в спину, повиснуть на нем, зубами рвать живое мясо.

Ни одна из них, однако, не отваживалась переступить невидимую черту, за которой — они знали — встретят их страшные рога лося. Что их волчьи зубы против неимоверной силы этого лесного богатыря!

Жутко поблескивающие глаза лося ловили каждое их движение. Тяжело вооруженная голова делала чуть заметный поворот, как только одна из них подскакивала на шаг ближе.

Исступленным лаем собаки старались скрыть свой страх. Все три были умны и опытны, ни одна не хотела лезть на верную смерть. В конце концов, их дело ведь только задержать зверя, не дать ему ходу, не пустить в чащу. Они вовсе не обязаны хватать его за горло, пока он не ранен. Пусть справляется со зверем тот, кто идет за ними.

Но лось хорошо понимал, где таится главная опасность. Едва между деревьями мелькнул человек, он разом подался вперед.

Три разъяренных собаки одновременно кинулись на него: две спереди, одна сзади — вцепиться и удержать.

Но это был только ловкий прием: зверь быстро отпрянул, а распаленные его мнимым испугом собаки неудержимо ринулись вперед. И на одно мгновение очутились ближе к нему, чем позволяла мудрая осторожность.

Лось двинул рогами — и первая собака высоко взметнулась в воздух. Ударил ногами — и вторая, как распоротый мешок, свалилась на землю, обливаясь кровью.

Тогда лось опрокинул рога на спину, взял с места широкой, размашистой иноходью и, не глядя на уцелевшую собаку, двинулся в чашу.

Свое громадное тридцатипудовое тело он нес на бегу легко и плавно. Его бег был стремителен и прям, как бег стального паровоза по рельсам.

В последний миг выскочил из-за деревьев охотник. Перед ним мелькнули высокие белые ноги, горбатый загривок, сухой опущенный крестец, — и зверь врезался в плотную заросль, легко раздвигая грудью тугие ветви, ломая деревца. Собака метнулась за ним, но упругие руки чащи отбросили ее назад.

Охотник опустил бесполезное ружье: громадный лесной зверь исчез в чаще так же бесследно, как исчезает в темной глубине моря выскользнувшая из рук рыба. Не догонять же его в непроходимой заросли.

Охотник подошел к лежавшим на земле собакам. У одной был проломлен череп. У другой из широко распоротого живота вывалились на траву все внутренности. Обе уже не дышали.

У охотника помутнело в глазах.

Он прислонился к дереву. Отчаяние его охватило.

Глава II

ТАЙНА ЛЕСНОГО ВЕЛИКАНА

Вот опять, вот опять — уже который раз — зверь уходит у него из-под носу!

Семьдесят верст — поездом и лошадьми — охотник ехал за ним из города. Десять дней уже рыщет по лесу, караулит, выслеживает, скрадывает — и всё зря!

До этого случая охота для него была только удовольствием. Охотник он был не настоящий — городской житель, студент. От отца ему достались два ружья — дробовик и винтовка — да старый гончий пес. Из винтовки он стрелял в тире. Стрелял хорошо, брал призы.

Из дробовика бил голубей. И только летом, когда случалось выезжать в деревню, стрелял зайцев и раз убил лисицу из-под гончей.

При такой охоте требовалось только удачно выбрать место, где стать, да терпеливо ждать, пока пес нагонит на тебя дичь.

Но это была совсем другая охота — охота по крупному зверю.

Еще в городе он получил предупреждение, что взять лося будет трудно. Лось, который только что на его глазах бесследно исчез в чаще, был не простой зверь. Так, по крайней мере, уверял студента знакомый крестьянин Ларивон.

Кто знает, что было на уме у хитрого мужичка? Может быть, своим рассказом о тайне неуловимого зверя он просто хотел разжечь любопытство городского жителя. Может быть, зазывая неопытного охотника к себе в деревню, он лукаво рассчитал, что и ему, Ларивону, перепадет деньжат за построй, и зверь останется невредим.

— Податься ему некуда, — рассказывал Ларивон. — Потому эдак вот море легло, — крестьянин корявым ногтем большого пальца провел на письменном столе студента длинную прямую царапину.

Студент знал, что Ларивонова деревня на южном берегу Финского залива.

— А так — деревни с полями прошли сквозной веревочкой через все леса.

Ноготь рассказчика начертил от прямой широкий неровный полукруг.

— Через поля зверь нипочем нейдет. Так и сидит в нашем лесу, как в мешке.

— Почему же его до сих пор не взяли? — удивился студент.

— Хитер, проклятый, — с какой-то даже гордостью объяснил крестьянин, — вот как хитер! Не простой это зверь. Видимость в нем звериная, а ум человеческий. Один такой лось и ходит в наших лесах, а то молодняк всё — телята безмозглые. Есть еще мошник у нас. Ну, тоже сказать, колдовская тварь, чисто что оборотень. Да ведь то — птица!

Про птицу-оборотня студент тогда не стал слушать: очень его заинтересовал старый лось.

Ларивон охотно сообщил подробности.

Студент узнал, что лось этот — Одинец: старый бык, живущий отдельно от стада. Великан ростом, характером он тяжел: угрюм и необщителен. Силы невероятной, в ярости прямо ужасен. В лесу есть медведи, но даже они не решаются напасть на Одинца. Деревенские охотники тоже не трогают его: ружья у них ненадежны. Сам же зверь избегает встреч с людьми.

Ларивон рассказывал, что случайно на Одинца натываются всюду: и в казенном лесу, куда бабы ходят клюкву-ягоду брать, и в крестьянских наделах, и в речке, куда лось заходит в жару, спасаясь от надоедливых оводов. Но где его лежка, где то надежное убежище, куда он скрывается при первой тревоге, — этого не знает никто.

Впрочем, у рассказчика на этот счет были свои соображения. Ларивон полагал, что Одинец прячется под землю.

— Это как же так? — изумился студент.

— А так, — нисколько не смутившись, продолжал крестьянин. — Место такое знает. Топнет ногой, — земля перед ним расступится. Войдет, — а она за ним закроется. Был да нет!

— Ну, уж это ты заливаешь! — смеясь прервал студент. — Это ты, дядя, из сказки.

Ларивон не обиделся. Спрятав лукавую улыбку в бороду, он смиренно сказал:

— Знамо дело, мы народ темный, книгами не начитаны. Смекалкой до всего доходим. По-нашему, так: зверь тяжелый, крыл у него нет. По воздуху, выходит, летать ему не полагается.

— Кто же говорит, что полагается? — удивился студент.

— Ну, значит, и ты говоришь, что летать он не может. А по трясине, где и кошке не ступить, с копытами-то пройти, — как скажешь, — пройдет?

— Нет, конечно, не пройдет.

— Теперь вот и прикинь: идет Одинцов след по лесу, дошел до болота — тут и пропал. На ясном месте пропал! Назад следа нету, впереди такая трясина, что упаси господи! Болота, конечно, они разные бывают. Которые и безопасные. А вот ты наше погляди. Не только что летом, зимой скот и людей засасывает. В прошедшем году случилось: лесной объездчик на коне ехал, в самый что ни на есть мороз. Попал в темноте на то болото, — его с конем и втащило под снег-то. Куда, скажешь, зверь-то на таком месте девается?

— Не знаю, — задумчиво сказал студент. — Только уж, конечно, не под землю.

— Хошь верь, хошь нет, а, по-нашему, оно так. Зверь, говорю, не простой. Такое знает, что и человек не удумает. Да вот приезжай, сам увидишь. На месте-то способней будет разобраться.

— Нет, дядя Ларивон, спасибо, не выбраться мне, — решительно отказался студент. — У меня занятия скоро.

— Как знаешь. А надумаешь, отпиши заранее: мы лошадей вышлем.

Ларивон ушел, а в мозгу студента крепкой занозой засела тайна внезапных исчезновений лесного зверя. Мысль то и дело возвращалась к загадке, но ответа не находила.

Глава III УЛЫБКА

Студент и в самом деле не думал тогда ехать на охоту за лосем. Решение пришло позже, внезапно. Стоя у дерева с закрытыми глазами, он вспомнил, как это случилось.

Через несколько дней после посещения Ларивона он отправился на вечеринку к товарищу. У товарища, как всегда по субботам, собралось с десятков знакомых — студентов. Шумно спорили, пели.

Из девушек только одна была студенту-охотнику незнакома. Она держалась в стороне и почти не принимала участия в общих разговорах.

Ему понравились ее светло-русые волосы, голубые глаза, золотистые прямые брови и тонкие строгие черты лица. Свежий загар крепких щек и настороженная неуверенность движений выдавали в ней человека нового в большом городе. И только легкая насмешливая улыбка, не сходившая с ее губ, как-то не вязалась с образом робкой провинциалки, впервые попавшей в столицу.

— Кто такая? — кивнув в ее сторону, тихонько спросил студент у хозяина.

— С севера приехала на курсы. Дикая какая-то, молчит всё. Попробуй-ка разговорить.

— А чего она улыбается?

— Кто ее знает! Презирает, верно, нас, городских. «Ого!» — подумал студент.

Он подсел к молчаливой гостье и завязал с ней разговор.

Девушка на вопросы отвечала скупо. Сказала только, что выросла в лесу и никак еще не может привыкнуть к городу.

— Что же вам не нравится у нас? — спросил студент.

— Не знаю... Вчера мне пришлось одной возвращаться ночью. Мертво кругом: ни деревца, ни травки, — камень один. Жутко как-то...

Он смотрел прямо в ее голубые глаза. И чем больше он в них вглядывался, тем больше они ему нравились. В их глубине мерцала грусть.

Ему захотелось подбодрить ее, дать ей почувствовать, что в нем она найдет надежного друга.

Скоро он узнал, что она собирается на естественно-исторические курсы, и весело сказал:

— Ну, вот, будем с вами коллегами: я ведь тоже по этой части.

Тут его собеседница сразу оживилась.

— Вы, значит, хорошо знаете лес? — радостно сказала она. — Расскажите что-нибудь о лесных зверях. Я готова слушать о них часами.

На мгновение студент смутился. Что интересного мог рассказать о животных он, изучавший их только по костям да по книгам, человеку, выросшему в лесу?

Но тут вспомнился ему рассказ Ларивона, и он с увлечением начал рассказывать об Одинце.

Оттого ли, что был он в тот день «в ударе», оттого ли, что с наивным любопытством и восторгом смотрели на него голубые глаза, — только неожиданно он почувствовал в себе необычайный дар красноречия.

Гости бросили споры и окружили рассказчика. А он красивыми и сильными словами живописал перед ними дикую и прекрасную жизнь старого лося.

Он особенно подчеркнул громадный рост, угрюмый нрав и чудовищную силу зверя. На хитрой догадке крестьянина о тайном убежище Одинца он построил целую запутанную легенду. Зверь получился в его рассказе чем-то вроде сказочного великана, живущего в неприступном заклятом убежище.

— Это последний старый бык в нашем краю, так близко от города, — заключил рассказчик. — Теперь лосей бьют, не дав им войти в полную силу и стать действительно опасными. Со смертью Одинца из наших лесов исчезнет последний лесной великан. Славный

трофеей для охотника. Крестьяне ничего не могут поделаться с ним. Приезжали звать меня.

— Вы поедете его убивать? — быстро спросила девушка. — Вы уже много лосей убили?

Весь пыл студента мигом остыл.

«Влип!» — с ужасом подумал он.

Хотел соврать, но вовремя вспомнил, что товарищи знают, какой он охотник, и, конечно, выдадут его с головой.

— Мне, собственно, — промямлил он, не поднимая глаз на собеседницу, — не приходилось пока по крупному зверю.

— На зайчиков-то безопасней! — съехидничал кто-то из товарищей. Кровь бросилась студенту в голову. И так же внезапно отхлынула, когда он взглянул на девушку.

Он заметил только ее улыбку, презрительную и жесткую.

«Она думает, что я трус», — подумал студент. И он громко сказал:

— Но этого лося я убью. Завтра еду. Кто-то сострил:

— Насморка, гляди, не получи. Пожалуй, ночевать-то в лесу придется!

Кто-то крикнул:

— Выпьем за нашего Тартарена!^[13]

Зазвенели стаканы; хозяин кинулся к роялю и забарабанил марш.

Но студент сдержал себя и не стал вступать в пререкания с товарищами. Презрительно пожав плечами, он отошел в сторону и, как только разговор перескочил на другое, незаметно скользнул в прихожую.

По дороге он вспоминал то ироническую улыбку, то добрые глаза своей новой знакомой. Грусть ясных ее глаз никак у него не мирилась со злой насмешкой и строго сдвинутыми золотистыми бровями.

Он злился на себя, на весь мир и бормотал, сжимая кулаки:

— Уж смеяться-то над собой я никому не позволю!

И вот он в лесу. Он десять дней выслеживает, караулит, скрадывает, у него действительно сильный насморк, потому что он два раза уже промочил ноги. Но он еще не сделал ни одного выстрела по лосю.

А сейчас проклятый зверь убил еще двух собак, за которых охотнику придется теперь платить Ларивону: только одна из собак — та, что уцелела, — была его собственная.

Убить зверя оказалось делом неожиданно трудным. Одинец решительно не желал встречаться с охотником и не принимал боя.

Теперь одна надежда оставалась у охотника: найти лежку и около нее подкараулить осторожного зверя. Но где оно, это таинственное убежище зверя?

Охотник открыл глаза.

Ну, конечно: опять то же место! Именно здесь всегда исчезает Одинец.

За этой чащей — большая гарь, за гарью — перелесок, за перелеском — там, где сейчас твюкает давно убежавшая собака, — непроходимое болото. Там обрываются следы.

Охотник вскинул ружье на плечо и пошел вперед, огибая чащу.

Он твердо решил немедленно разгадать тайну исчезновения Одинца.

Глава IV РОГДАЙ

Горелое место густо поросло дикой травой и лиственным молодняком. Было уже седьмое сентября, и зелень по-осеннему никла к земле. ^[14]

Ноги охотника путались в цепких травах, но он шел напрямик через гарь — прямо на голос твюкающей всё на одном месте собаки.

Несмотря на пышную растительность, гарь казалась безжизненной, птиц совсем не было слышно. Из высокой травы мертвыми головешками торчали черные обгорелые пни.

Один из них — прямо впереди — привлек внимание охотника своей странной формой. Его закрывала листва низеньких березок и мешала разглядеть.

«Что за чертовщина! — досадливо подумал охотник. — Мне положительно начинает казаться, что у него — глаз и он глядит на меня. В этой плуши скоро черти начнут мерещиться!»

Черная головешка, пляшущая маленьким живым глазом, вызывала жуткое чувство.

«Подойду и стукну его прикладом, чтоб рассыпался», — думал охотник, шагая прямо к пню.

Но вдруг черный пень исчез. Охотник вздрогнул и остановился.

Ему пришлось в голову снять с плеча винтовку и приготовиться стрелять. Но сейчас же стало стыдно своей суеверной трусости.

Он решительно сделал шаг вперед к тому месту, где только что был пень, а теперь не видно было ничего, кроме березок и травы.

Он не успел еще опустить ногу на землю, как черный пень появился опять. Он с треском и грохотом взорвался из травы и стремительно помчался прочь, забирая всё выше над гарью.

Охотник, растерявшись, слишком поздно сорвал ружье и выпалил в воздух, не успев даже донести приклада до плеча.

— Дурак набитый! — громко выругал он себя, едва устояв на ногах от сильной отдачи в грудь. — Глухаря испугался! На десять шагов подпустил, — тут бы его и пулей можно, сидячего!

Он выбросил пустую гильзу из ружья, вложил новую и снова двинулся на лай.

Собака тявкала теперь близко — за перелеском, — но охотник думал о своем.

«И что за место такое дикое! Подумать только, что я в каких-то семидесяти верстах от города с его каменными домами, трамваями, автомобилями... Точно в сибирскую тайгу попал. Лоси и этот громадный глухарина... Как я его всё-таки за пень принял? «Чисто, что оборотень», — вдруг вспомнились слова Ларивона. — Так вот он, колдунский-то мошник! Действительно, ловкая птичка! С лосем покончу, надо будет и ее добить: тоже ведь, пожалуй, больше таких громадин не увидишь».

Охотник пересек уже перелесок и вышел к болоту. Собака сидела у самых кочек.

Он подошел к ней и стал внимательно разглядывать землю.

Следы лося вели прямо в воду. И на ближней кочке был ясный отпечаток круглого вырезанного спереди копыта.

«Ага, голубчик! — весело подумал охотник. — Не так уж ты хитер, как думают. Просто по кочкам прыгать мастер. Это, конечно, легче, чем исчезать под землю с такой тушей!»

И, не раздумывая долго, он прыгнул на ближнюю кочку.

След копыта был и на следующей кочке. Охотник перебрался на нее.

Но высокая кочка закачалась под ним, накренилась — и стала погружаться в воду. Охотник еле успел перескочить назад на твердую землю.

«Странно! — подумал он, глядя на грязные пузыри, выскакивающие на ржавой воде. — Ясно же, что он ступал по кочкам! Вот и остров недалеко».

Болото шло широким полукругом. С середины его поднимался остров с высоким темным лесом.

«Отлично! — сообразил вдруг охотник. — Значит, надо сначала послать пса. Он-то уж пройдет получше лося».

— Рогдай, сюда!

Пес поднялся и подошел к хозяину.

Это был старый, рыжий, с черным чепраком, гончак, с широкой грудью и крепкими ногами. Он внимательно глядел в глаза хозяину, не позволяя себе никакой фамильярности вроде виляния хвостом или собачьей улыбки.

— Вперед! — приказал хозяин, показывая на кочки.

Пес опустил голову и не тронулся с места, точно и не слышал приказания.

— Трусишь, бестия! — разозлился охотник. — Нет, врешь, пойдешь у меня.

Он поднял валявшийся на земле сук и замахнулся им.

— Вперед, ну!

Пес поджал хвост, нерешительно помялся на месте — и всё-таки прыгнул на первую кочку.

— Иди, иди! — приказывал охотник, подталкивая его сзади суком. — Ну?!

Пес прыгнул на вторую кочку, потом на третью и остановился, беспомощно озираясь на хозяина. Видно было, как кочка под ним медленно погружается в воду.

Но охотник был неумолим. Он принялся швырять в пса сучьями.

Тогда Рогдай, протяжно и жалобно, как над покойником, завыл.

— Что за черт! — ругнулся охотник. — Быть этого не может! В собаке и двух пудов нет, а в Одинце тридцать.

И вдруг, остервенев, гаркнул:

— Вперед, Рогдай!

Грозный окрик хозяина подействовал. Рогдай прыгнул.

Четвертая кочка разом пошла под ним в воду. Рогдай успел только повернуться мордой к хозяину.

— Сюда, сюда! — крикнул охотник, поняв, что верный пес в беде.

Но где там! Ноги уже завязли в топкой тине. Напрасно сильное животное билось, стараясь вытянуть их и добраться до ближней кочки. Рогдай погружался.

Охотник бросил к самой морде собаки большой сук, в расчете, что она сумеет на него опереться.

Рогдай схватил сук зубами и глядел на хозяина. В глазах у него была такая мольба, что охотник не выдержал — и прыгнул к нему.

Но расхлябанная уже кочка сразу пошла под воду. Пришлось вернуться.

Охотник стоял опять на твердой земле и с отчаянием смотрел в глаза погибающему другу.

Рогдай молчал. Он только пристально уставился влажными, всё понимающими глазами в лицо хозяину.

Охотник схватил ружье и, стараясь не встретиться взглядом с глазами Рогдая, раз за разом выпустил три пули в то место, где должно было находиться под водой тело собаки.

Когда через минуту он решился взглянуть на болото, — глаз Рогдая над ним уже не было.

Только медленно поднималась из ржавой воды окровавленная кочка.

Глава V

ТАМ, КУДА НЕ ЗАГЛЯДЫВАЮТ ЛЮДИ

В тайное убежище Одицеца еще никогда не заглядывали ни люди, ни собаки. Он знал это и был спокоен.

Одицец стоял над глубоко вросшим в землю камнем и равнодушно слушал, как заливается напавшая на его след собака.

Круглый приземистый камень под ним напоминал широкий пенёк и весь, как пенёк, оброс ржаво-желтыми лишаями. За камнем, под густыми ветвями столетней ели, трава и мох были примяты, обнажили черные проплешины земли. Тут, в небольшом углублении, и была лежка старого лося.

Одицец был дома.

Солнце стояло над вершиной ели, возвещая полдень — час дневной дремы зверей. Но лось не ложился: он ждал друга.

Как удивились бы окрестные крестьяне, узнав, что у Одинца есть друг!

Угрюмый и необщительный характер зверя был хорошо известен всем. Ни одного из своих родичей Одинец не подпускал близко даже к местам своей кормежки.

Но вот он стоит и в нетерпении бьет землю копытом, как лошадь, — всякий, взглянув на него, поймет, что он соскучился по ком-то. Он то и дело поднимает горбоносую, длинную, как у лошади, морду и, храпя, поглядывает вверх, точно друг его должен спуститься к нему с неба.

Собачий лай давно уже раздаётся близко, но всё на одном месте, — не приближаясь больше и не отдаваясь.

Вдруг издали донесся сухой стук винтовочного выстрела.

Быстрая судорога пробежала по телу зверя.

Он перестал бить копытом землю. Его уши повернулись в сторону звука. Но тело осталось неподвижным.

Через минуту легкое дрожание воздуха и чуть уловимый свист сказали ему, что друг близко. И почти сейчас же два — три гулких хлопка крыльями — и на толстый сук ели брякнулся большой черный глухарь.

Он вытянул шею и взглянул одним глазом на лося внизу, словно желая убедиться, что друг его цел и невредим. Потом сделал по суку четыре шага от ствола, четыре назад к стволу — и замер, плотно подобрав тупые крылья.

Внизу под ним с фырканием и сопеньем примащивался на жесткой лежке Одинец.

Теперь оба могли спокойно вздремнуть, пока голод их не разбудит и не погонит на жировку.

Собака совсем перестала тявкать.

...Одинец уже дремал, когда снова раз за разом отчетливо простукали три винтовочных выстрела.

Лось открыл глаза, прислушался. Глухарь у него над головой не подавал признаков жизни.

Больше ничто не тревожило друзей. Прошло еще немного времени, и лося снова охватила дремота.

Одинец опустил веки. По всему его телу под кожей прошла длинная, медленная судорога. Зверь спал.

Через минуту он шумно вздохнул — и вдруг порывисто задергал, забрыкал ногами, — совсем как теленок, выскочивший на веселый луг.

Чутко спал на своем суку глухарь.

Эти два бородатых старика — зверь и птица — как нельзя лучше подходили друг к другу, — оба осколки древних-древних родов животных, существовавших еще в то отдаленное время, когда по нашей земле бродили мамонты.

Старому лосю снился сон.

Кто знает, какие сны снятся зверям? Быть может, они видят во сне веселые дни своего детства?

...Лосиха-мать вывела своих телят на лесную поляну. Тут было где размять молодые ноги.

Оба лосенка поскакали по ровной весенней траве, дали круг, встретились, разминулись и пошли кружить по зеленой поляне, каждый со своими выкрутасами.

Когда это им надоело, они принялись играть в перевертыши.

Игра состояла в том, чтобы ловко подскочить к противнику сбоку, сунуть ему под пузо морду и, мотнув головой снизу вверх, неожиданно опрокинуть на землю.

Доставалось, конечно, больше младшему. Он был почти на сутки моложе брата, а это большая разница в том возрасте, когда вам всего неделя от роду.

Старший то и дело кувыркал его на землю, и малыш, барахтаясь в траве, смешно дрыгал в воздухе тонкими, как сучочки, ногами. Не успевал он встать, как опять уже кубарем летел в траву.

Лосята готовы были часами без передышки играть в перевертыши. Лосиха-мать спокойно глядит на их забавы.

Она нежно любила своих сыновей. Она совсем не замечала, какие оба они смешные — тупоморденькие телята-губошлепы с большими головами, точно по ошибке приставленными к куцым тельцам на высочайших тонких ногах. Тельца их были покрыты мягким рыжеватым пухом.

Лосиха подошла к младшему и шершавым ласковым языком стала нежно облизывать его с головы до пят.

Но малыш был против таких нежностей. Он шмыгнул у матери между ног и принялся жадно сосать, тыкаясь губастой мордочкой в ее теплый живот.

Старший сейчас же присоединился к нему.

Вдруг лосиха громко фыркнула, рванулась и быстро пошла в лес. Коротким, тревожным мычанием она звала за собой детей.

Лосята кинулись за ней. Вбежав в лес, старший ловко перескочил через толстый ствол поваленного бурей дерева и очутился рядом с матерью. Младший прыгнул вслед за ним, но копытцами передних ног он задел за дерево, больно ударился об него — и скатился на землю.

Лосиха сейчас же вернулась к нему.

Сзади страшно щелкнули волчьи зубы, но волк не решился напасть на теленка при матери.

Серый враг хорошо знал, как опасно приближаться к старой лосихе: у нее хоть нет рогов, зато копыта острее, чем у лося-быка.

Лосята росли быстро. Через месяц они совсем окрепли и научились уже глотать таловые и осиновые веточки, хоть и продолжали еще сосать мать.

В конце лета мать привела их в стадо.

Они живо перезнакомились с двумя другими маленькими лосятами и валюном — перегодовалым молодым лосем.

Младший лосенок отличался особенно веселым и бойким нравом. Он сейчас же кувырнул одного за другим обоих чужих лосят и непременно стал бы у них предводителем, если б не его старший брат. Пока лосята ходили с лосихами, его старший брат был у них коноводом во всех играх, потому что он был самый сильный.

Осенью обе лосихи куда-то вдруг исчезли. Водить и стеречь маленьких лосят остался старший валюн.

Он не умел так хорошо беречь малышей, и однажды большая серая рысь, неожиданно спрыгнув с дерева, переломала хребет одному из чужих лосят.

Лосихи вернулись через месяц, а скоро к ним присоединился и старый лось-бык.

И тогда опять всё пошло на лад. Лось был строгий, слушаться его надо было сразу, с первого знака. Зато при нем никто не смел тронуть стада. И он не мешал играм веселых лосят.

Стадо переходило с места на место, всё дальше подвигаясь на восход. Только когда выпадали глубокие снега и ходить становилось трудно, оно неделями простаивало в высоких осинниках.

Но и здесь пищи хватало: лоси грызли вкусную горьковатую кору деревьев и обламывали ветви.

За спиной у старших младшему лосенку жилось беспечно. Только и было дела у него, что есть, да расти, да играть, да слушаться лосябыка.

Через год его уже было не узнать. Он стал крупным зверем. Морда его сильно удлинилась, вся фигура стала стройной. Из опупковшищечек на лбу выросли острые, загнутые вперед и кверху рожки-спицы.

Следующей осенью он стал сам предводителем маленького стада прибылых лосят, на то время, пока пропадали куда-то лосихи. Он ведь был уже валуном.

Детство кончилось.

Захлопал крыльями глухарь, срываясь с ветки.

Одинец проснулся.

Солнце уже клонилось к вечеру. В животе урчало: пора на жировку.

Одинец поднялся с лежки.

Глава VI ОДИН В ЛЕСУ

— Выкинь ты из головы Одинца убить, — сказал Ларивон, выслушав рассказ о злоключениях охотника. — Упреждал ведь тебя, каков зверь. Не то, что псам, — и человеку не спустит. Есть тут у нас еще лосёнок — один ходит. Не та статья, слов нет, а всё ж таки отростков о трех рога будут. Я тебе и место покажу.

— Ты отговаривать меня брось, дядя! — сердито краснея, сказал охотник. — Скажи лучше, как мне его теперь без собак найти?

— Наше дело — сторона, — равнодушно согласился крестьянин. — Только ты трудное задумал. Не сдогадаюсь, что тебе и присоветовать теперь.

Ларивон задумался, попыхивая короткой носогрежкой.

— Разве вот чего еще попытать? Удача будет, — вплотную зверь подойдет. Караулить только терпенье надо.

— Терпенья хватит у меня, не беспокойся, — быстро отозвался охотник. — Что надумал?

— Место есть одно в помещицьем лесу, — летом ребята в шалаше там жили. Одинца они солью к себе приманивали. Он слышь, по сю пору на то место ходит — привычен стал.

— А что же они его не убили? — удивился охотник.

— Уж такие были ребята. Даром, что с голоду, — всякую даже насекомую уважали. Птицу, зверя тоже с разбором стреляли, которых и вовсе не трогали.

Охотник почувствовал скрытый упрек себе в словах крестьянина. Это задело его.

— Просто, значит, трусили, — презрительно сказал он, передернув плечами.

Об охоте на искусственных солончаках охотнику приходилось слышать и раньше. В Сибири так бьют маралов. Падкие до соли, олени выгрызают в земле ямы, и туда снова и снова охотники наливают густой раствор поваренной соли.

«Великолепный случай подкараулить Одинца, — думал охотник. — Главное, и собаки не понадобятся».

В тот же день Ларивон привел его в очень живописный уголок леса. Громадные вековые ели, гладкие осины подошли здесь вплотную к невысокому, но крутому обрыву. Внизу под ним бесшумно бежала гибкая лесная речка. За ней широко простерлась большая казенная вырубка с одинокими, на равном расстоянии друг от друга, стройными соснами.

Под елями у пня была узкая ямка, густо истоптанная кругом круглыми лосиными и острыми косульими следами. Охотник высыпал в нее два фунта поваренной соли.

Ларивон рассказал, что Одинец приходит обычно с казенной вырубки, и показал, где сделать шалашку, чтобы зверь не учуял спрятавшегося человека.

Теперь надо было только подождать несколько дней, чтобы Одинец пришел «отведать гостинца», как выразился крестьянин.

Почувствовав доверие к шалашке, лось перестанет к ней подозрительно приглядываться и принюхиваться.

Придя к ямке вечером на четвертый день, охотник легко убедился, что зверь пошел на приманку: в траве осталась свежая куча лосиных, напоминающих овечьих помет, только гораздо крупней, продолговатых «орешков».

Охотник засел в шалашку из густых еловых лап, прислонился спиной к шершавому стволу ели — и приготовился терпеливо ждать.

Вечер выдался погожий. Лес по-осеннему молчал, только теплый ветерок шелестел листвой.

Скоро и он улегся. Стало совсем тихо в лесу. Охотник сидел, напряженно вслушиваясь в тишину.

Он ждал треска сучьев, который должен предупредить его, что зверь подходит. Готовая к выстрелу винтовка лежала у него на коленях.

Понемногу томительное чувство одиночества стало его охватывать. Он в первый раз собирался ночевать в лесу один и никогда еще не испытывал той легкой жути, той странной неуверенности в себе, которая в сумерках охватывает человека в незнакомом месте. Смутное предчувствие неожиданных встреч настораживало зрение и слух.

«Хоть бы собака рядом, — тоскливо думал он. — До чего тут всё какое-то... чужое».

Он не доверял лесу. В каждом дереве ему начинало мерещиться что-то подозрительное, что-то враждебно насторожившееся. Всюду чудились незаметно следящие за ним' глаза. Он не верил тишине: в ней что-то притаилось, ждало.

Вдруг сильный шум листвы, треск и тяжелый удар по суку! Охотник вздрогнул так, что винтовка сама подскочила с колен и попала ему в руки.

Стрелять, — но куда, в кого? Снова было тихо, так тихо, что слышно было мелодичное журчание речушки под обрывом. Остановившееся было сердце вдруг громко затукало в груди охотника.

Теперь он знал, что кто-то есть рядом.

«Как зашумит опять, — решил он, — сразу вскину ружье и буду стрелять».

Тянулись минуты, но шум не повторялся.

«Знать бы только, где он притаился», — думал охотник, не пробуя даже догадаться, кто этот «он». И всё пристальней всматривался в темнеющие деревья.

Но вот, вместо ожидаемого треска и шума, раздался четкий звук. Звук этот напоминал щелк крупных дождевых капель, падающих с высоких веток. Он доносился откуда-то сверху, с деревьев над обрывом.

На розовеющем небе высокими черными крестами резко выступали громадные ели. В их темной хвое ничего нельзя было разобрать. Квеляя листва осин просвечивала тысячью розовых скважинок.

Чуть заметное движение на ветке одной из осин остановило взгляд охотника. Он всмотрелся, — и жуткий холодок побежал у него по всему телу.

Кто-то черный сидел на ветке осины, высоко над землей. Листва мешала разглядеть фигуру. Головы совсем не было видно. Но, чем дальше охотник смотрел, тем ясней различал черное туловище, черную свесившуюся с толстой ветви ногу.

Черная фигура не шевелилась. Боясь дохнуть, без движения сидел и охотник.

Вдруг он увидел: плавным движением поднялась в листве гибкая черная рука — легкая листва вздрогнула и затрепетала. Раздался короткий щелк обрываемого с черенком листа.

У охотника застучали зубы. Судорожные мысли проносились в голове:

«Стрелять?.. Человек!.. Как спускаться начнет, тогда!..»

Опять протянулась рука — и послышался четкий щелк.

Охотник всеми силами старался взять себя в руки.

«Чушь какая, что я! Чушь какая! Нервы! Чепуха же, какой там человек на дереве!.. Нельзя же так сразу стрелять!»

Минуты ползли. Небо темнело, темнела и осина, черная фигура на ней сливалась со стволом, с ветвями. Звук обрываемых листьев, через длинные, ровные промежутки, всё громче отдавался в ушах охотника.

«Будет совсем темно, он незаметно спустится, подкрадется и...»

Стало так страшно, что охотник невольно оглянулся.

Увидел широкий ствол ели, позади него — темную глубину леса, где с трудом различишь отдельные стволы деревьев.

«Оттуда и тятнет!»

Ни крикнуть, ни выстрелить охотник не решался.

А ночь, темная, осенняя ночь, уже настала. Луны не было, не было и звезд. Черной фигуры на осине тоже больше не было видно. Только равномерный щелк черенков показывал, что таинственная рука обрывает листья всё на том же месте.

Охотник плотней прижался спиной к дереву и приготовился ко всему.

Глава VII

УЖАС

В густой темноте ночи Одинец двигался так же уверенно, как при ярком свете солнца. Осенняя ночь ему не казалась черной, как человеку. Он различал деревья, кусты, даже траву под ногами.

Он шел на жировку. Не раздумывая, уверенно поворачивал там, где надо было повернуть, брал напрямик там, где хотел сократить путь. Слышал белку, спросонья закопошившуюся в ветвях у него над головой. Чувал лисий след на земле, видел белый хвостик шарахнувшегося от него зайчонка. Знал всё, что происходит кругом, — и не боялся леса.

Лес этот был им давно исхожен по всем направлениям. Старый зверь знал, что на север пойдешь — выйдешь к морю, пойдешь на полдень, на восход, на закат — всё равно уткнешься в поля и деревни. Только исключительный случай мог бы заставить его покинуть лес и попытаться вырваться через открытые поля из этого кольца. Только слепой ужас и мог заставить его пройти через них в это кольцо. Случай этот был пять лет тому назад, зимой.

Из веселого лосенка давно вырос тяжелый, сильный зверь. Голову его украшали широкие рога, о семи отростках каждый. Но зимой в те времена он всегда присоединялся к стаду: в обществе других лосей кочевать было безопасней.

В тот год предводителем стада был громадный старый бык. Он ввел у себя образцовую дисциплину.

Лоси делали большие переходы. В походном строю старый бык шел всегда последним. Никто не мог даже обернуться безнаказанно. Лучше было идти до полного изнеможения и пасть, выбившись из последних сил, чем повернуть и встретить тяжелый удар рогов.

Весь отряд состоял исключительно из самцов. Это было большое переселение. Лосихи с лосятами двигались сзади небольшими стадами.

Когда выпали глубокие снега и ударили сильные морозы, лосям пришлось на время остановиться. Даже крепкий наст не выдерживал тяжести громадных животных. Их ноги проваливались, и твердый, как стекло, ледок точно бритвой отсекал на них прямую ломкую шерсть.

Старый бык остановил свой отряд в редколесье, на слуху, чтобы издали увидеть, если враги сделают нападение.

Еды тут было достаточно: можно было обламывать веточки, острыми, как стамески, зубами срезать осиновую кору, долго не сходя с места. Больше недели прошло спокойно. Ни один из лосей не заметил ничего подозрительного.

А потом неожиданно, как первый гром, стряслось такое, что привело в ужас не знавших страха зверей.

Занялось морозное безветренное утро. Ничего не подозревавшие лоси мирно жевали кору, когда внезапно вдаль раздался короткий гром выстрела, неистовый шум и крики людей.

Отряд лосей быстро построился в боевом порядке — старый бык впереди. Одинец — тогда молодой зверь с рогами о семи отростках — за ним.

Люди наступали широким полукругом. Старый бык сразу учел, где еще можно прорваться, и повел стадо широкой рысью.

Шум и крики стали затихать: лоси подвигались вперед значительно быстрее людей, хотя и проваливались в снег с каждым шагом.

Вдруг спереди блеснул огонь, грохнул выстрел.

Старый бык со всего маху, как подкошенный, ткнулся в снег. Стадо мгновенно разбилось, все бросились в разные стороны.

Обезумев от страха, Одинец помчался между деревьями. Жесткий наст в кровь рассек ему пазданки, ^[15] но он не слышал боли.

Он выскочил прямо на цепь кричан, но люди подняли такой страшный шум, что зверь без памяти кинулся назад — на стрелков.

Вокруг него запыльхали быстрые огни, загрохали выстрелы. Он упал, вскочил, помчался напрямик, перепрыгивая пни и канавы, ничего не разбирая впереди.

Он не остановился даже тогда, когда выбежал в поля, пронесся мимо двух деревень. За ним кинулись собаки — и не могли его догнать.

Долго он бежал полями, пока, наконец, впереди не показался лес. Одинец надал ходу и скоро очутился в чаще, забился в нее поглубже и повалился в снег, совершенно обессиленный.

С тех пор прошло пять лет. Одинец исходил новые места вдоль и поперек, но ни разу не выходил в поля.

В новых местах он часто натыкался на людей. Но люди его не трогали, и он приучился не бегать от них сломя голову.

А в прошлом году он нашел на земле близ одной опушки соль. Около этого места он почти всегда встречал людей. Они не делали резких движений, не нападали на него и не бежали. В конце концов он так привык к ним, что почти не обращал на них внимания.

На днях Одинец зашел проведать давно опустевшую солевую яму.

Там снова оказалась соль.

Теперь он шел полакомиться редким угощением.

Ночь убывала.

Глава VIII

ГЛАЗА

Что-то шумно завозилось в листве.

Охотник вздрогнул.

«Это тот... на осине!» — со страхом подумал он.

И опять всё было тихо — ни шелеста, ни шороха.

«А ведь если сейчас станет подходить Одинец, — пришло ему в голову, — помру со страху!»

В первый раз он вспомнил о лосе с тех пор, как начало темнеть и тот, черный, зашумел на осине.

А ночи прошло уже много.

Откуда-то издалека сквозь сырую темень донесся чуть слышный собачий лай.

Знакомый звук показался охотнику чудесной музыкой. Он мгновенно напомнил деревню, огоньки в избах.

Собака, верно, забрехала на запоздалого прохожего. Охотник сейчас же представил себя в деревне, вот этим прохожим, всполошившим дворового пса.

Эти мысли гнали страх. Если попробовать закрыть глаза — там будь что будет! — и заставить себя думать, что сидишь в избе или, еще лучше, в своей комнате, в городе? Может, нервы и успокоятся?

Всё равно ведь ничего не разглядишь в темноте. А если шум, — можно моментально вскочить.

Охотник плотно закрыл веки.

Так было лучше. Он заставил себя думать, что сидит у себя в комнате на стуле с высокой спинкой. Если открыть глаза, увидишь большой письменный стол с книгами, темные стены, кровать. Над кроватью — крест-накрест — два ружья: винтовка и дробовик.

В другой стене — высокое окно. Занавесок на нем нет. Можно подойти к нему и заглянуть, — увидишь глубокий квадратный колодец каменного двора. В одном из шести этажей, наверно, горит огонь, хоть и поздно, — совсем не слышно звонков трамвая.

Как глупо было бояться каких-то несуществующих опасностей! Все эти таинственные ужасы только в книгах.

Но это не трусость вовсе, это всё дурацкие нервы! Теперь он взял себя в руки и может сидеть с открытыми глазами. Вот, пожалуйста!

Он поднял веки.

Ужас, как молнией, пронизал его с ног до головы: два глаза пристально глядели на него из черной пустоты.

Большие, круглые, горящие жутким зелено-желтым пламенем глаза без всякого признака лица или головы. Они зорко, неподвижно уставились в самую душу.

Он не мог ни вскрикнуть, ни вздохнуть. Язык, грудь — всё тело отнялось, исчезло. Без мысли он знал, что это — смерть.

Сколько времени это длилось? Должно быть, недолго: долго не выдержало бы сердце.

Глаза исчезли.

Онемелое лицо охотника ощутило внезапно легчайшее движение воздуха. Сознание медленно стало возвращаться к нему.

Подыскать объяснение тому, что видел, он не мог. Таких глаз не было ни у одного из ему известных зверей.

Вслед за тем странное равнодушие охватило его. Страшнее этого уже ничего не могло с ним случиться, он чувствовал себя совершенно беспомощным, ему было всё равно, что будет с ним дальше.

Он долго сидел, ни о чем не думая, потеряв всякое представление о времени.

Черная темнота серела, раздвигалась. Черные стволы деревьев понемногу вступали в нее.

Охотнику казалось, что он бесшумно скользит в лодке по гладкому морю и перед ним из тумана встает долгожданный берег. На берегу — высокий лес. Еще немного — и туман разлетится, пловец ступит ногами на крепкий берег.

Страх совсем отпустил его. Он вдруг почувствовал, что всю ночь просидел без движения в одной позе, крепко сжимая в руках винтовку. Вспомнил и то, зачем пришел сюда.

Лось мог еще прийти. Надо было соблюдать осторожность. Не выходя из шалашки, охотник размялся, растер пальцами жестоко зудевшие икры и уселся поудобней: решил ждать, пока совсем рассветет.

Он внимательно оглядел осину, где вчера видел таинственную черную фигуру.

Каждый листок уже можно было разглядеть на дереве. В ветвях не было никого.

«Со страху привиделось, — решил охотник. — Ерунда какая-нибудь».

Утро вставало ясное, бодрый холодок пощипывал пальцы и освежал лицо. Телу в теплой меховой куртке было тепло, по нему разливалась сладкая истома.

«А глаза?» — подумал охотник.

Он постарался сесть в точности так же, как сидел ночью, и взглянул в широкую скважину между двумя ветвями шалаша.

Прямо против его глаз торчал сук соседнего дерева. На суку — что-то темное, что он сначала принял за нарост на дереве.

«Как раз ведь отсюда пядели», — подумал он, разглядывая нарост.

Странная штука...

Неподвижный нарост что-то напоминал ему своей формой. Охотник всё смотрел на него, пока вдруг его не осенило: «Да это же сова сидит!»

Он вспомнил ночь и с удивлением подумал: «Неужели это я так струсил? Ведь совершенно такой ужас должен испытывать мышонок, когда из темноты глядит на него смерть глазами этой чертовой бабушки».

Солнце уже взошло. Охотник понял, что дальше ждать Оди́нца не имеет смысла.

Он вышел из шалашки, блаженно потянулся, зевнул, подумал: «Эх, и дрыхнуть буду сегодня!»

Перекинул погон винтовки на плечо и пошел.

Большая серая сова на суку даже не шевельнулась.

— Спи, чертова перечница! Больше уж — дудки! — не напугаешь меня глазищами!

Он двинулся к обрыву. Гремя крыльями, сорвался с осины черный глухарь.

Охотник только свистнул ему вслед.

— Ишь, леший! А ведь здорово твоя шея похожа на тонкую руку! Мастер морочить: чисто что оборотень!

Охотнику было удивительно весело. Так просто один за другим объяснялись его глупые ночные страхи.

Он прошел уже шагов полсотни от шалашки, когда услышал у себя за спиной лошадиный топот.

Топот сопровождало странное пощелкиванье, точно при каждом шаге нога ударялась об ногу или спадали плохо прикрепленные подковы; странный костяной звук раздавался уже близко.

«Как могла попасть сюда лошадь?» — подумал охотник, на всякий случай стаскивая с плеча ружье.

Между деревьями мелькнула серая шерсть зверя.

Прямо на охотника бежал лось. Трясущимися от волнения руками охотник вскинул винтовку и торопливо выстрелил два раза.

Что произошло потом, он позже с трудом мог восстановить в памяти.

Очевидно, одна из пуль скользнула по телу зверя, содрав шерсть. Рана обожгла Одица внезапной болью — и он в ярости кинулся на человека.

Как бросил винтовку, как, подскочив, ухватился за сук и повис на нем, — ничего этого охотник не мог вспомнить.

Остался в памяти только страшный удар в левую ногу, высоко подкинувший тело в воздух, потом — неудобная поза: животом на суку, лицом книзу.

И в этот миг глаза лося встретились с глазами человека.

Мутный взгляд разъяренного зверя был так ужасен, что охотник, не успев почувствовать боль в разбитой ноге, с обезьяньей ловкостью вскарабкался вверх по сучьям.

Только с большой высоты он решился взглянуть вниз.

Зверь, яростно фыркая, бил ногою землю. Охотник увидел: каменное копыто с невероятной силой опустилось на лежащее в траве ружье, — крепкое ореховое ложе треснуло и переломилось, как щепка. Стальной ствол, попав концом на корень, согнулся и отскочил в куст.

Охотник охватил руками дерево. Его так трясло, что он боялся свалиться с сука, на котором сидел. Из разорванного рогом сапога сочилась кровь. В ноге поднималась нестерпимая боль.

Глава IX

КОГДА ГРЕМЯТ БОЕВЫЕ РОГА

Осень быстро вступала в свои права. Лист па деревьях побурел, стал дряблым. Ветер срывал его с веток и устилал землю мягким сырым ковром.

Одинец всё чаще теперь покидал свое тайное убежище и без всякой цели бродил по лесу. Он то и дело спускался к речке, пил воду — и всё не мог напиться.

Что-то странное делалось с ним. Какая-то жуткая болезнь быстро одолевала его.

С каждым днем он ел меньше и меньше, с каждым днем спадал с тела. Только и без того толстая шея его прибывала в ширину. Тугие мышцы на ней вздувались, прямой волос густой гривы вставал торчком.

Тоска гнала зверя с места на место. Он беспокойно рыскал по лесу, забыв все правила мудрой осторожности. Переходил с места на место, заложив уши, опустив храп к земле, точно разнюхивая чей-то забытый след. Но он плохо стал чують, плохо видел, плохо слышал: сухой огонь палил его изнутри.

Не раз в эти дни крестьянские собаки замечали его близко от деревень. Но, напав на душный след обезумевшего зверя, они трусливо поджимали хвосты и поспешно убегали из леса.

Раз он лицом к лицу встретился с медведем. Бесстрашный «хозяин леса» уже поднялся было на дыбы, чтобы ударом тяжелой лапы свалить неосторожного лося.

Но, заметив темное пламя в глазах лесного великана, его вздутую шею и низко склоненные рога, могучий хищник счел благоразумным отложить бой до следующей встречи. Ворча, он попятился в чащу — и дал Одинцу дорогу.

Не разбирая дороги, забыв часы жировки и отдыха, Одинец беспокойно скитался по лесу. И когда в небе зажигалась заря, он совсем терял над собой власть. Одинец вскидывал голову, украшенную широкими, тяжелыми рогами. И тогда в лесу гремел его короткий, глухой и отрывистый, страшный рев.

Голос зверя напоминал тупой и жуткий звук удара обухом топора по стволу вековой сосны, когда железо с размаху бьет в живое, крепкое тело дерева. В коротком реве чудилась смертельная кому-то угроза, слышался вызов на битву.

Но когда из темной чащи доносился не ответный рев противника, а нежный голос подруги, — мгновенно изменялся и голос угрюмого Оди́нца. И тот же короткий рев звучал жалобно-призывно.

Охотник в эти дни не выходил из избы. Больная нога приковала его к кровати.

Заботливая хозяйка — жена Ларивона — по многу раз в день меняла ему горячие припарки, прикладывала к ноге какие-то травы, и опухоль, наконец, стала быстро спадать. Боль проходила, и хорошее настроение понемногу возвращалось к охотнику. Все его неудачи стали ему теперь казаться смешными.

В эти дни он отослал в город письмо такого содержания:

«Друзья! Лесной великан еще бродит и наводит ужас на местное население. Внезапные его исчезновения до сих пор остаются тайной.

Первые три раза я видел его только издали. В третий раз он убил двух псов моего хозяина, раньше чем я мог послать в него пулю. Третьего пса — моего верного Рогдая — я пристрелил своими руками: он завяз в болоте, честно выполнив свой долг.

В четвертый, и пока последний, раз я встретил лесного великана лицом к лицу. Я караулил его целую ночь и в эту ночь дважды видел страшные «глаза» леса.

Зверь появился неожиданно. Я успел выстрелить два раза, но только легко ранил его.

Он отомстил мне тем, что в щепки искрошил приклад моей винтовки, смял ее стальной ствол и разбил мне левую ногу.

Вы там в городе никогда не представите себе дикую мощь его гнева.

Теперь нога моя заживает.

У меня есть еще запасное ружье. На днях снова отправляюсь в лес. Я достал рог — боевой рог, такой, каким средневековые рыцари вызывали на битву противников под неприступными стенами их гордых замков.

Великан примет, конечно, мой вызов. Будет бои. Один из нас должен пасть в этом бою.

Во всяком случае, я не вернусь к вам без головы Одицеца. А насморк у меня прошел».

В письме не было подробностей последней встречи охотника с Одицецом. Ничего не было сказано про то, как охотник попал на дерево, как терпеливо просидел на нем три часа, пока зверю не заблагорассудилось снять осаду и уйти в лес; не было и про то, как охотник слез с дерева и, корчась от боли, проклиная всё на свете, дотащился до деревни и дал себе слово оставить сердитого зверя в покое.

Каждый вечер теперь Одицец приходил на ровную площадку среди глухого леса и отсюда бросал свой громкий боевой вызов невидимым противникам.

Площадка эта была ему памятна: три года назад на ней он принял роковой бой с самым сильным из своих соперников. В то время он вошел в полную мощь. В новых местах было немного лосей и среди них не было равных ему по боевой силе и опытности, кроме одного.

Это был его родной брат, тот самый, что в раннем детстве всегда верховодил над ним. Брат его тоже случайно попал в эти места.

В его толстой шее сидела еще свинцовая пуля, оставшаяся ему на память о том дне, когда переселенческий отряд старого быка был окружен людьми.

Разница в возрасте между братьями — меньше суток — теперь не имела никакого значения: обоим им было уже по многу лет. Но старший брат первый стал предводителем маленького стада и сумел удержать за собой этот почетный пост.

Младший не мог выносить дольше, чтобы над ним командовали, и не захотел оставаться в стаде. Он ушел из стада уже зимой. В это время грозды на лбу — те места, откуда растут рога, — сильно зудели у него. Он всё терся лбом о твердые стволы деревьев, ударял по ним рогами. И вот — сначала один рог, а через несколько дней и другой — отвалились.

Отваливались они у него каждый год об эту пору, и он знал, что скоро на месте их быстро вырастут другие — еще больше и тяжелей. Он только не учел, что в это время, пока он ходил комолый, как лосиха, ему нужно беречься. И раз он слишком близко подошел к деревне, так близко, что столкнулся в лесу с собакой.

Большой пес, увидев, что у лося нет его грозного оружия — рогов, — сразу перешел в нападение и с лаем кинулся ему на грудь.

Но неопытный пес не знал, с кем имеет дело. Одинец не испугался. Он ударил пса головой, свалил его на землю и так отделал копытами, что пес больше уже не встал.

Однако на выручку ему бежали из деревни десятков других собак. Лось бросился бежать от них.

Началась бешеная погоня. Зверь, стремительно огибая деревья, мчался по вырубкам, со всего ходу врезался в густой чапыжник.

Собаки неумоимо неслись за ним. Лось принялся кружить по лесу. Его ноги вязли в снегу, он быстро выбивался из сил.

Собаки то и дело срезали путь и целой оравой неожиданно встречали его на кругу.

Зверь видел, что ему не уйти от них. На одном из кругов он вынесся из чащи на ровную площадку и увидал перед собой лосиное стадо. Стадо стояло в боевом строю — хвостами вместе, головами

вперед; старший был — его брат — впереди. Он отодвинулся и пропустил беглеца под защиту стада.

Собаки не осмелились напасть на целый отряд сильных зверей. Они отступили.

Беглец был спасен.

Долго после этого Одинец не ссорился с братом. Но пришла осень, и старые счеты припомнились.

Напрасно Одинец рыскал по лесу и звал подруг: лосихи скрылись. Хоронясь в чаще, они ждали: пусть теперь быки спорят друг с другом. Кто сильней, тот лучше сумеет защитить их и маленьких лосят от всех опасностей.

Они пойдут за самым сильным.

Одинец метался по лесу, разыскивая соперников. Он ревел, — и на его вызов вышел молодой бык.

Схватка длилась не долго: бычок не мог выдержать ударов Одинца, был ранен и ударился в бегство.

Победитель не стал его преследовать.

Наконец он услышал грозный рев брата. Старый бык звал на свою площадку — ту самую, где он спас брата от собак.

Старший брат всегда побеждал младшего.

Но разве мог Одинец потерпеть, чтобы лосихи опять пошли за братом, признав его своим защитником — сильнейшим из быков?

Одинец принял вызов брата.

Они встретились на утоптанной площадке и в слепой ярости бросились друг на друга. Стук их рогов раздался на целую версту в округе — точно скала ударилась о скалу.

Ударили и рванули назад, — но рога не расцепились. Обдавая друг друга горячим дыханием, бойцы ворочали головами, сисясь высвободиться или свернуть противнику шею. Их толстые копыта ушли в землю, глаза налились кровью, могучие шеи раздулись.

Старший был тяжелее. Он крепко стоял на ногах. Но в его шее сидел кусок свинца, пущенный человеческою рукой. В одном месте он перервал толстые мускулы зверя. Это сравняло силы борцов.

Шумно и жарко дыша, громадные звери ворочались на площадке в страшном усилии — напряжением одной шеи свернуть многопудовое тело противника.

Ясная луна стояла высоко в небе, и черные тени бесшумно двигались по земле при каждом движении их тел. Дрожали на черной земле уродливые тени их словно в стальные тиски зажатых голов и сцепленных рогов.

Старший одолевал, медленно-медленно поворачивая голову противника в одну сторону — ниже и ниже — к самой земле.

Младший напрягся, жал вперед и вбок — застыл так. Он чувствовал: если дохнёт, — выдохнет из себя последний остаток силы.

Черные тени на земле перестали дрожать, будто застыли. Глухо каркнул спросонья ворон — где-то далеко. Старший лось тоже перестал дышать.

Вдруг из его горла с хрипом хлынула кровь. Голова его дрогнула и разом пошла вбок. Тяжелая туша медленно рухнула наземь, увлекая за собой Одинца.

Одинец пал на колени. В тот миг, когда голова его ударилась об землю, рога расцепились.

Почуяв кровь, он рванулся, вскочил и, фыркая, опрометью кинулся прочь от страшного места.

Месяц безумия прошел. Улеглась звериная страсть. Медведь-стервятник доел труп павшего на лесной площадке лося. Лосихи привыкли к новому быку-предводителю, спокойно встречали зиму, собрав своих лосят под его надежную защиту. Но неожиданно он ушел от них и не вернулся к стаду.

Он стал одиноком-отшельником, которому нет равного по силе, который не нуждается ни в чьей защите и сам не желает никого защищать.

Когда настанет его час, он уйдет в темную чашу, ляжет и умрет, как умирают все одряхлевшие лесные звери: в одиночестве, молча, под тихий — шепот деревьев, среди которых провел всю свою дикую жизнь.

А пока он хочет мира и покоя. Хочет спать, зная, что никто не потревожит его отдыха. Он во сне видит веселые дни своего детства и смешно, как малый лосенок, дрыгает во сне ногами.

Он мудр, покоен и миролюбив одиннадцать месяцев в году. И только когда настает месяц безумия и гремят в лесу боевые рога, — он теряет власть над собой. Он забывает осторожность, рыщет всюду, ревет и нетерпеливо прислушивается: не отыщется ли смельчак, кто решится вступить в бой с ним, первым богатырем леса?

Глава X ИЗ-ЗА УГЛА

Ларивон рассматривал запасное ружье охотника. В его больших корявых руках изящная и легкая бескурковка казалась безделушкой.

Заглянув одним глазом в дула и зачем-то погладив шершавой ладонью гладкую сталь стволов, он передал ружье охотнику, заметив пренебрежительно:

— Бескурошное... С этих переломок только воробьев пугать!

— Погляди раньше, как бьет, — сказал охотник. Он переломил ружье и вложил в один из стволов бумажный патрон, заряженный пулей «жакан».^[16]

Поставив на землю большое полено, он отсчитал от него пятьдесят шагов, стал на колени, прицелился и выстрелил. Полено упало.

— Поди погляди!

Ларивон подошел, не спеша к полону, нагнулся, поколупал дерево пальцем, встал и раздумчиво заскреб пятерней в затылке.

— Ты, дружок, — сказал он подошедшему охотнику, — мне такую пулю дай. С моей шомполовки да такой — страсть!

— Бери хоть пяток. Только ведь калибр не тот; в твоей пушке они болтаться будут.

— Это нам ништо: тряпицей обвернем.

Охотник взглянул на мишень. Пуля, ударив в полено, развернулась крестом на четыре части и раскрошила его. Из широкой дыры в крепком суковатом дереве во все стороны торчали острые щепки.

— Кость вдребезги крошит, — сказал он крестьянину. — Не из винтовки, конечно, — далеко, нельзя, — а шагов на сотню прямо хоть на слона выходи.

В тот же вечер охотник отправился в лес.

Бесшумно ступая по сырому ковру гниющих на земле листьев, он долго бродил, отыскивая подходящее место. В конце концов выбрал большой куст и стал около него.

Деревья тут росли достаточно редко, и стрелять было удобно во все стороны. Коричневая куртка охотника в сумерках совсем сольется с кустом. Ослепленный боевым пылом, зверь, наверно, примет его за высокий пенек.

Ларивон предупреждал, что лось в это время года чрезвычайно опасен и, бывает, сам бросается на человека, не дожидаясь выстрела. Да охотник и сам хорошо запомнил последний урок Одинца. Поэтому он стал так, чтобы, в случае чего, успеть вскарабкаться на рядом стоящее суковатое дерево.

Тут ему припомнилась насмешливая улыбка девушки. Стало немножко стыдно.

«Не совсем это по-рыцарски! — подумал он. — Тяпнуть из-за угла — и драла!»

Но сейчас же перед ним мелькнули другие глаза — ужасные глаза разъяренного зверя, — и он поспешно встал так, чтобы до спасительных сучьев можно было достать рукой.

Проверив ружье — в обоих стволах были пули «жакан», — он переставил предохранитель со значка S (сыг — безопасно) на F (feu — огонь) и посмотрел на лес.

Лес уже темнел. Широкие тени ложились от неподвижных деревьев.

Знакомая жуть одиночества слегка сдавила охотнику горло. Он выпрямился.

— Пора!

Вынул из кармана короткий и широкий берестяной вабик^[17] и дунул в него, как учил Ларивон.

Короткий рев отрывисто прогремел в вечерней тишине — и жутко отдался где-то за лесом, где должна была быть речка.

Охотник прислушался.

Ответа не было.

Задрожавший в руке вабик дробно застучал по стиснутым зубам.

Обождав несколько минут, охотник снова поднял вабик и протрубил звериный боевой клич.

И вот далеко-далеко в тишине прогремел ответный рев.

Одинец проревел боевой клич.

Он стоял на площадке, где три года тому назад убил своего брата.

За эти три года ни один соперник не осмелился при-петь его вызов. А сегодня кто-то сразу ответил ему.

Широкие ноздри Одинца раздулись от гнева и шумно выпустили пылкое дыхание. Он по голосу слышал, что ревел молодой лось.

Смерть смельчаку!

Старый зверь повторил свой вызов и в яростном нетерпении стал рвать землю копытами.

И опять прозвучал ответный рев — всё так же далеко, где-то за рекой.

Что же медлит противник? Отчего он не идет сюда?

Снова и снова Одинец повторял свой вызов с такой силой, что обросшая густым волосом серьга — нарост под нижней челюстью — тряслась, как борода. Голос его разносился по лесу на добрых два километра.

Противник отвечал, но не приближался.

Значит, он трусит подойти! Тогда Одинец сам пойдет к нему и даст ему бой на его площадке.

И, опрокинув рога на спину, старый зверь двинулся в темный лес.

Смеркалось.

Охотник в страхе смотрел, как тускнеет небо и в густой тени тают дальние деревья.

Он то и дело подавал голос. Лось отвечал, но не приближался.

Неужели самому придется подходить к зверю, скрадывать его, прячась за деревьями? В нужный момент может не случиться рядом спасительных сучьев, и тогда...

Но вот зверь пошел: рев ближе.

Охотник вздрогнул. Сердце оглушительно стучало.

Теперь еще раз протрубить — и будет: на близком расстоянии лось разберет чуть фальшивую ноту и уйдет.

Охотник бросил шапку, вытер пот со лба, поднял вабик и дунул в него.

Тишина.

Потом сзади — неожиданно близко — хруст переломленного копытом сучка. Что-то уж больно быстро!..

Охотник повернулся, как на пружинах.

Лось подходил молча. Охотник увидал его метров за сто. Быстрая тень мелькнула между деревьями, скрылась, показалась опять, опять скрылась.

...Стрелять? Нет, еще далеко!..

Зверь шел наискосок от охотника, справа.

«Левый бок!.. — пронеслось в голове. — В сердце... Пора!»

Охотник вскинул ружье, установил его стволы в промежутке между деревьями, взяв вперед по направлению бега зверя. Руки застыли.

Темная туша закрыла мушку.

Грохнул выстрел.

Одно мгновение было видно: туша стремительно сунулась в землю.

В страшном возбуждении охотник ждал, что будет, не отнимая ружья от плеча.

Низкий, протяжный, почти человеческий стон донесся из-за деревьев.

Не выдержав, дико заорал охотник.

В ту же минуту зверь поднялся — и темная тень опять замелькала в лесу, быстро удаляясь.

Охотник, не целясь, выпалил из второго ствола.

Лось ушел.

Охотника била лихорадка. На глазах навернулись слезы. Торопливо перезарядив ружье, он кинулся к тому месту, где зверь упал.

В сумерках еще были видны примятые тяжелым телом кусточки.

Охотник опустился на колени и стал шарить руками по земле.

Вдруг он поднял руки к глазам; руки были в темной крови.

Он хотел вскочить и бежать за раненым зверем. Но сейчас же сообразил, что в темноте не разобрать следов.

«Надо скорей за Ларивоном! — подумал он. — Всё равно без лошади не обойдешься».

И побежал из лесу.

Глава XI КРОВАВЫЙ СЛЕД

Старому глухарю приходилось теперь ночевать одному в тайном убежище друзей.

Лось уходил с вечера, всю ночь бродил по лесу и возвращался, только когда солнце поднималось над деревьями.

Глухарь уже привык к долгим отлучкам своего друга.

Но сегодня ночью его разбудили гулкие выстрелы. Ночь прошла тревожно. И, когда рассвело, глухарь не полетел на жировку, а остался ждать друга.

Тревожное выдалось и утро: невдалеке слышались громкие голоса людей.

Солнце встало уже над вершинами деревьев, а Одинец всё еще не шел.

Глухарь не мог больше ждать: он жестоко проголодался. Он снялся с ели и полетел клевать жухлую, уже тронутую утренником, жесткокожую бруснику.

Охотник не заснул всю ночь. Ларивон убедил его, что в темноте найти зверя невозможно и что лучше даже подождать подольше, дать ему изойти кровью, а то опять поднимется и уйдет далеко.

Чуть свет Ларивон запряг лошадь. Ежась от холода, они покатали через поля.

Охотник был как во сне. Смотрел на землю, на лес, на весь мир — и не узнавал его. Земля подернулась серебристой изморозью, лес разубрался пышными цветами осени, в небе розовели легкие облачка.

Одно раздражало охотника: он не мог понять, почему крестьянин так равнодушно, почти враждебно принял известие о его победе над страшным зверем? Услышав, что Одинец тяжело ранен, может быть, уже мертв, Ларивон ни слова похвалы не сказал охотнику, молча улегся и через пять минут уже храпел.

Они въехали в лес. Впереди, по неширокой лесной дороге шел человек с топором за поясом. Когда телега поравнялась с ним, он внимательно оглядел охотника и, не снимая с головы шапки, спокойно молвил:

— Здорово, дядя Ларивон! Аи на охоту барчука повез?

— Да вот, вишь ты, за раненым лосем собрались.

— Одинца я убил, — не выдержал охотник. Путник разом оживился. Глаза блеснули из-под густых бровей, бородатое лицо передернулось.

— Одинца? — быстро спросил он. — Подсади-ка, дядя Ларивон, больно поглядеть охота!

— А садись! — разрешил Ларивон. — Может, пособить случится.

Охотник обрадовался новому спутнику и стал ему рассказывать, как подкараулил и свалил старого лося.

Бородатый крестьянин смотрел на него с нескрываемым почтением, долго разглядывал ружье, совсем по-детски удивлялся рассказу о страшном ударе пули «жакан».

— А Одинцову лежку нашел?

Охотник сознался, что лежки найти не мог, как ни искал.

Тогда бородач заметил:

— Гляди, он и раненый под землю не ушел бы: дошлый зверь.

— Никуда не уйдет! — сказал охотник. — Я его разрывной пулей стрелял.

Они уже подъехали к тому месту, где надо было сворачивать с дороги.

Седоки слезли. Ларивон повел лошадь в поводу, следя, чтобы телега не задела осью за дерево.

Охотник быстро разыскал куст, у которого вчера стоял. Его шапка и вабик так и провалялись тут всю ночь.

Потом все трое внимательно осмотрели следы, начав с того места, где лось упал.

Бородач уверенно сказал:

— В брюхо садануло, в левый бок. Рана тяжелая: горлом кровь хлещет. Далеко зверю не уйти.

Охотник с интересом взглянул на следопыта.

— Почему вы знаете, что в левый бок и что кровь эта из горла, а не из раны?

— А то нет: вишь, по следу с левой руки текёт? А что посередь следу — это из горла.

«До чего просто! — подумал охотник. — Как это мне самому не пришло в голову?»

Бородач пошел впереди, за ним — охотник; Ларивон с лошастью сзади. Шли медленно, поминутно заглядывая вперед: даже тяжело раненный лось опасен и может напасть на преследователей.

Крови на следу было много: видно, лилась струей. Местами она лежала на земле черными запекшимися сгустками. Зверь, однако, шел

и шел вперед.

Редколесье кончилось. Вышли к речке.

Тут Ларивон привязал лошадь к дереву: надо было сперва узнать, где зверь пал, — может, в чаще, куда и не продерешься с телегой.

Бородач в это время стал на колени у четко отпечатавшихся в глинистом берегу следов и зачем-то смерил их четвертью. Когда он после этого взглянул на охотника, охотнику не понравился его взгляд: в нем не было и следа прежней почтительности. Бородач глядел на него, прищурившись, подозрительно, почти насмешливо.

— Ну что еще? — сердито спросил охотник, чувствуя, что краснеет от этого взгляда, и злясь на себя за это.

Но бородач ничего ему не ответил и опять пошел вперед, на этот раз быстро и уверенно.

Они еще добрую версту петляли по лесу. Нашли березу, где раненый зверь терся раненым боком о ствол: белый ствол дерева аршина на два от земли был весь замызган темной кровью.

Потом — как-то совсем неожиданно — охотник узнал место, где они находились: они шли прямо к болоту, где всегда исчезал Одинец.

Сердце тревожно ёкнуло в груди: неужели опять ускользнул проклятый зверь?

Молча прошли еще немного — и вдруг бородач обернулся и сказал шепотом:

— Эвона, в чапыжнике залёг. Иди. А подниматься станет — бей проворней: уйдет!

Не показывая вида, что волнуется, охотник двинулся вперед с ружьем наготове.

Густой остров лиственного молодняка, на который показал бородач, был невелик. Деревца потеряли уже всю листву, — они не могли скрыть громадного тела зверя, если б он вскочил.

Охотник подвигался по кромке, беспокойно шара глазами впереди.

Он обошел уже почти весь островок, а лось всё еще не показывался.

Впереди — еще мысок низкорослой заросли.

«Тут!» — почувствовал охотник.

Подняв ружье, сделал скачок — и чуть не споткнулся о распростертое звериное тело.

Зверь не шелохнулся. Он лежал на правом боку, неестественно подогнув под себя голову, высоко подняв застывшую заднюю ногу.

Охотник опустил ружье.

— Готов! — крикнул он дрогнувшим голосом. — Смотрите!

Он замолчал: к горлу подкатил жесткий ком. Он не слышал, что говорили теперь уже громкими голосами крестьяне.

Бородач подошел к убитому лосю и, взявшись за рог, выпростал голову зверя из-под тяжелой туши.

— Гляди на свово Одинца! — сказал он охотнику и презрительно сплюнул.

Вместо широких рогов-лопат на голове лося торчали какие-то жалкие спички.

Охотник глядел и не понимал. Бородач обернулся к Ларивону.

— Я еще по следу приметил, что лосёк молодой: одинцов след — во! Одинец разве такому дастся?

И опять, обращаясь к охотнику, поддразнил:

— Хотелось лося, да не удалось!

Как сквозь туман, донеслись до охотника слова Ларивона:

— Толковал ему, каков из себя Одинец-то. Известно, городскому человеку ни к чему, — что старый бычина, что теленок.

Охотник растерянно пролепетал:

— Не может быть: я же Одинца стрелял! Бородач весело подмигнул Ларивону:

— Не зря молвится: лося бьют в осень, а дурака завсегда. Мало каши ел, парень!

Когда к полудню старый плухарь вернулся с жировки, Одинец ждал его уже под елью.

Через пять минут оба спокойно дремали, каждый на своем месте.

ЧАСТЬ II

*... Опустил главу печально,
Осмотрел свои все вещи,
Говорит слова такие:
— Пусть никто в течение жизни,
Пусть никто из всех на свете
Не стремится в лес упрямо.
Чтоб ловить Хииси-лося,
Как стремился я, несчастный.
Я совсем испортил лыжи,
Разломал в лесу я палку
И согнул в лесу свой дротик.*

Калевала

Глава I

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ

«К черту Одинца! Еду в город».

Так решил охотник, свежую на задворках убитого им зверя.

Содрать шкуру с тощего молодого лося оказалось кропотливым и трудным делом. Шкура крепко пристала мездрой^[18] к жесткому мясу, и каждый вершок ее приходилось отдирать ножом.

«Будет, побаловался. Пора и в город, а то так и будешь гоняться за этим старым лешим до скончания века. На первый раз довольно с меня и этого трофея. Всё-таки о двух отростках рога».

Но как охотник ни старался убедить себя в том, что в сдаче его нет ничего позорного, — в голову лезли и лезли обидные мысли.

Его больно задели насмешки бородача.

Он теперь ясно понимал, что крестьяне смеются над ним, потому что Одинец им — свой, а он — городской человек, барчук — им чужой. Сами лесные жители, они любят этого лесного великана. Он им не причиняет вреда, и они не хотят его смерти. Они гордятся им и злорадствуют над выскочкой, посягнувшим на их любимца. Они заодно с Одином, заодно со всем этим диким, полным неожиданных страхов лесом.

Охотник потерпел жестокое поражение, стал посмешищем в глазах крестьян, и это терзало его самолюбие.

Теперь он и сам начинал сознавать, что недостоин такого трофея, как голова Одинца.

«Мало каши ел!» — сердито дразнил он себя словами бородача. — Поживи-ка здесь с Одиново, так, пожалуй, будешь в лесу как у себя в городе. Тогда и охоться».

На следующее утро, когда он кончил сдирать шкуру с лося, к нему подошел Ларивон.

— Глянь-ка, тебе, надо быть, почтарь письмо подал. С городу, видать.

И крестьянин протянул узкий голубой конверт, надписанный легким женским почерком.

Охотник почувствовал, как яркая краска залила ему лицо, и сердито буркнул:

— От сестры! Сунь вон в куртку: потом прочту. Ларивон положил конверт в карман куртки и присел поболтать о разных разностях.

Охотник спешно кончил работу, вымыл руки, схватил ружье и заявил, что уходит в лес.

Ноги сами привели его на знакомое место: к болоту. Он сел на пенек, прислонил ружье к дереву и крепко задумался.

Нераспечатанное письмо хрустело во внутреннем кармане куртки. Но он не спешил его прочесть, нарочно медлил, как медлит человек перед прыжком в холодную воду.

«Ну, что ж, — думал он, — пусть смеется! Не могу же я, в самом деле, бросить университет и тысячу раз подвергать себя смертельной опасности. Она небось никогда не ночевала одна в лесу. Пусть-ка попробует. Или пусть с Одином встретится. С меня довольно!»

Выходило не очень убедительно — он это сам чувствовал, — но еще хуже было признаться себе что страшно вскрыть письмо и прочесть насмешливые фразы.

Охотник стал смотреть на болото.

На бесчисленных желтых кочках бессильно поникла трава. Кой-где под ней просвечивала холодная ржавая вода. Недалеко от берега, как древний замок, высилась темная, круто закругленная стена леса: остров на болоте.

Охотник подумал, что видит эти места в последний раз, — и почувствовал грусть. Унылый и дикий простор лесного болота впервые показался ему красивым. А сколько жутких, никем не изведанных тайн хранили его молчаливые кочки! Это место можно возненавидеть, но забыть его скоро нельзя.

Охотник стряхнул с себя раздумье, торопливо вытащил письмо и вскрыл его.

В письме не было обращения.

«Вчера читали Ваше письмо вслух, — сразу начиналось оно. — Много спорили, кто-то предлагал даже пари, что Вам не убить Одинца.

Но я-то знаю, что, как бы ни был силен и осторожен зверь, человек всегда одолеет его. И я, кажется, начинаю ненавидеть Вас».

— Что такое? — изумился охотник. — За что?

«Я говорила Вам, что выросла в лесу и люблю лес со всеми его жителями. Для меня ненавистны вы, городские охотники. Вы распоряжаетесь деревьями и животными так, будто они существуют исключительно для вашего удовольствия.

В первый момент нашего знакомства я подумала, что нашла в Вас друга. Все в городе только и думают, что о городских своих делах и развлечениях. И уж если кто вспомнит про лес, или поле, или солнечный восход, так только — «ах!» да «ох!», «красота, прелесть!» Будто редкость какая.

А Вы так чудесно рассказывали про Одинца! Я видела его перед собой, как живого, во всем его диком, зверином великолепии.

И вдруг Вы заявляете, что едете убивать его! И заявили-то это только потому, что боялись показаться трусом.

Но я подумала: «Поживет в лесу, полюбит лесную жизнь, — и у него рука не поднимется на старого лося».

Ваше письмо отняло у меня эту надежду. Вы ничему, ничему не научились, и так вам и надо, что Одинец разбил Вам ногу; он ведь никого не трогает, если на него не нападают. Какое право имеете Вы отнимать у него жизнь? Чем он Вам-то помешал?»

«Новое дело! — совсем ошарашенный, подумал охотник. — Сама же так презрительно улыbnулась, когда я сказал, что еще не убивал лосей, а теперь...»

Он стал читать дальше.

«И лучше нам не встречаться больше, если Вы убьете Одинца: я никогда не прощу Вам этого...»

Охотник скомкал письмо и бросил его наземь.

«А я-то, осел, старался! — думал он. — Вот положение!»

Растерянный взгляд его упал на знакомые кочки. Без всякой связи со своими мыслями он вспомнил вдруг: «Там я убил Рогдая... Вот кто умел идти до конца!»

Вспыхнула злость. Все мысли в голове разом перестроились.

«Что же, значит, зря погиб Рогдай! Одинца защищать — нашла кого! И я хорош, — хотел уж отказаться! Ну, и пусть, а я тоже пойду до конца!»

Он перебежал глазами с кочек на берег болота — и вдруг замер, не смеядохнуть: великолепный и неподвижный, как статуя, на берегу стоял громадный лось.

По исполинскому росту — добрая сажень от земли до крутого загривка, — по гордо поднятой голове с тяжелыми, широкими рогами охотник сразу признал Одинца. Зверь стоял на открытом месте у самой кромки болота, против кочек, где погиб Рогдай. Охотник не видел, откуда он появился. Казалось, зверь мгновенно возник из земли и застыл, как камень.

«Топнет — и уйдет под землю, — вспомнил охотник и теперь сам верил, что это так и бывает. — Меня он не видит, — быстро работала мысль, — потому что я сижу неподвижно. И не чувствует: ветер от него ко мне. Стрелять нельзя: далеко. Буду ждать».

Медленно, как оживающее изваяние, лось поднял ногу и ступил на кочку. Кочка медленно пошла под воду.

Тогда грузный зверь сел, как собака, на задние ноги. Передние он выдернул из воды, вытянул перед собой и, цепляясь ими за кочки, заскользил брюхом по топкой трясине.

«Так! — подумал охотник. — Вот она — тайна лесного великана. Сегодня у леса нет от меня тайн».

Широко раскрытыми глазами он следил, как громадное тело зверя быстро подвигается по непроходимому болоту.

«Остров!» — вспомнил охотник.

Добравшись до твердой почвы, лось подогнул колени и поднялся в два приема, как встающая корова. Через минуту он исчез за деревьями.

— Простое чудо! — рассмеялся охотник. — Ясно, с таким широким брюхом не засосет.

Он взял ружье и пошел к тому месту, где Одинаец пошел в болото. Ближние кочки медленно выдвигались из воды. На них ясно были видны отпечатки круглых копыт зверя.

Дальше след исчезал: следующие кочки с головой окунались под воду. Примятая трава на них расправлялась. Вода смывала следы.

— Так, — еще раз сказал охотник. — Теперь понятно, почему след обрывается.

И, сняв шапку, отвесил в сторону островка глубокий поклон:

— Ваши гости!

Глава II

НА ОСТРОВЕ

Никто не знал, что тайна лесного великана открыта: охотник не сказал об этом даже Ларивону.

Не подозревал этого и Одинаец, когда на следующее утро покинул остров и ушел в лес.

А днем пришел охотник, надел на ноги широкие лесные лыжи, взял в руки длинный шест и медленно стал подвигаться по болоту.

Лыжи он достал в деревне у крестьян. Они были настолько широки, что не погружались в топкое болото под тяжестью человека. Вода смывала его следы.

Достигнув острова, охотник положил ружье на кочку, счистил ржавый ил с лыж и, связав, перекинул их за спину.

Остров был невелик. Охотник сразу нашел в густой заросли узкий коридор — тропу зверя — и стал осторожно подвигаться по ней.

«Беда, если столкнемся на тропе! — думал он, опасливо поглядывая вперед. — Податься некуда, сотрет в порошок!»

Тропа была проложена в частом еловом и сосновом подросте. Заросль справа и слева стояла плотной стеной. Не было никакой надежды продрасться сквозь сомкнутый строй частых стволов.

Но узкий коридор скоро кончился. Лес поредел. Тропа повела сырой и темной глушью, извиваясь в колоннаде высокоствольных столетних деревьев.

А еще дальше начались светлинки с отдельными громадными елями и соснами, у ног которых кой-где жались такие жалкие осенью прутики лиственного молодняка.

Кое-где на открытых местах торчали из земли обросшие лишаями камни.

«Что я! — вспомнил вдруг охотник. — Ведь он почует мои следы!»

Он остановился и, стараясь не шуметь — зверь мог быть рядом, — развязал и надел лыжи. Шагать в них было трудно: приходилось высоко поднимать ноги и выбирать гладкую землю, чтобы не споткнуться.

«Как в колодках, — думал охотник. — Зато подойду к лежке, точно по воздуху: от лыж на земле останется только запах болота».

Он подошел к большому камню, вокруг которого земля была взрыта копытами лося. За камнем — под елью — заметил небольшое углубление, черные проплешины земли, помятую траву и много волосков лосиной шерсти.

«Валялся тут, — подумал охотник. — А может быть... Да чего «может быть»: вот же она — лежка!»

Он огляделся.

Шагах в сорока от ели стояла большая сосна. Ветви донизу; как раз то, что надо.

Прошлепав к ней на лыжах, он взобрался по ветвям и, развесив на обломках сучьев ружье, лыжи, мешок с едой, вытащил топорик из-за пояса и стал устраивать себе лабаз. Через пять минут настил из сучьев между двух ветвей был готов.

«Теперь хозяин может пожаловать!» — весело подумал охотник, поудобней примасиваясь на своем воздушном сиденье. Ружье с предохранителем на F (огонь) лежало рядом. Лежка Одинца была как на ладони. Оставалось только запастись терпением и ждать до вечера, всю ночь, до нового утра, — пока зверю заблагорассудится прийти. Еды охотник захватил с собой на целые сутки.

Время проходило, день уже клонился к вечеру, а Одинец всё не шел.

Первые часы ожидания пролетели незаметно для охотника. Он был уверен, что на этот раз одолеет осторожного зверя.

Он представил себе, как в назначенный день снова соберутся его товарищи и будут его ждать. Он запоздает.

Наконец дверь откроется, и он войдет, держа огромную голову лесного великана за рога. Все ахнут. А он скажет, глядя на покрасневшую девушку:

— Я охотник, я не член общества покровительства животным!

Или что-нибудь в этом роде — красивое и злое. ...Громкое хлопанье крыльев заставило охотника вздрогнуть и раскрыть глаза.

Черный глухарь с треском уселся на ели над лежкой зверя.

«А, приятель! — подумал охотник. — И ты, оказывается, здесь? Ну врешь: теперь уж меня не напугаешь!» Он вспомнил первую ночевку в лесу, свой дикий страх в сумерках — и улыбнулся.

Темнело. Хмурое небо низко нависло над лесом: ночь обещала быть ненастной.

Охотник думал о том, что вот теперь он забрался в самое сердце леса, в самый его сокровенный уголок, но прежнего страха не чувствует. Знал, что если случится с ним несчастье здесь, то ни один человек не догадается даже, где его искать, — но был спокоен за себя.

«Это я так привык к лесу, — думал он. — Как дома. А она говорит, что я ничему не научился здесь. И с лесными жителями познакомился».

Глухарь то и дело поглядывал вниз, на лежку. Его гибкая шея уже не казалась охотнику так удивительно похожей на черную руку, как тогда — на осине.

Скоро совсем стемнело. Охотник решил не спать ночь: еще проспишь зверя.

Старался представить себе, как живет здесь старый лесной великан.

Тут его дом. Часами лежит он в сырой яме под темной столетней елью. Брюхо его мокнет, от него несет козлом. Но он ничего не замечает: думает свои дремучие думы.

Громадный, такой неуклюжий с виду, несуразный зверь! Он могуч и смел, его все боятся в лесу. Он в этом краю последний из великанов-лосей.

...И мысли охотника унеслись в глубь времен. Не семьдесят коротких верст отделяли его теперь от родного города, а долгие темные века. И, вспомнив о камнях, разбросанных по всему лесу, он думал о том, что было время, когда не было здесь ни людей, ни лосей, а было древнее море. Потом с холодного Севера надвинулись мертвые белые ледники. Они камни растирали в порошок, двигали скалы, гнали всё живое на своем пути.

Прошли века. Ледниковое море опять отступило далеко на север. На дне древнего моря выросли густые леса, в лесах поселились птицы и звери. Они были хозяевами здесь, пока не пришел человек. Прошло так мало времени — и человек овладел всем...

Охотник крепко спал, охватив руками толстый сук, щекой прижавшись к жесткой, шершавой коре дерева.

А Одинец тем временем подошел к болоту, опустился на задние ноги и заскользил по трясине.

Вечером никто не откликнулся на его рев, и зверь успокоился. Холодная вода, вымочив ему брюхо, совсем охладила его боевой пыл. Чутье его обострилось, привычная осторожность вернулась к нему.

Он вышел на берег острова, потянул в себя воздух — и разом почувствовал тревогу.

Он опустил храп к земле, — и земля сказала ему, что по ней прошел человек.

Шевеля ушами, Одинец шагнул по следу. Чем дальше, тем след сильнее пахнул.

Сомнений быть не могло: то был тревожный дух человека с железом. Дух этот был ему хорошо знаком: человек с ружьем вот уже сколько времени не дает ему покоя, то и дело становится ему поперек пути.

Старый лось без труда запоминал запахи, видеть ему не было нужды. Он ступил еще — и на кочке почуял холодный запах железа (к этой кочке охотник прислонил ружье, когда уселся снимать лыжи). Запах железа — запах смерти. И этот запах в тайном убежище Одинца!

Ярость заклокотала в груди зверя. Он двинулся вперед, все мускулы его напряглись, тело стало как камень.

Но, дойдя до узкого коридора в чаще, вдруг круто повернул, быстро пошел назад и с размаху опустился в болото, шумно расплескав ржавую воду.

Непонятный сквозь сон шум заставил охотника открыть глаза.

Было светло. Вершины деревьев уперлись в низкое небо. Прямо в лицо моросил теплый дождичек.

Охотник быстро вспомнил, где он. Глянул на лежку: зверя там не было.

«Всё ладно! — подумал он. — Если б Одинец пришел, я бы, конечно, проснулся. Эдак, однако, можно и загреметь с насеста! — Тут он заметил, что и глухаря не было на ели. Подумал: — Он меня и разбудил, срываясь».

Сон освежил охотника. Хотелось есть.

Он достал мешок с едой и живо прикончил всё, что осталось со вчерашнего дня.

Больше нечего было делать, и он опять принялся ждать.

К полудню терпение охотника истощилось. Напрасно он старался убедить себя, что теперь уже осталось недолго ждать. Напрасно заставлял себя радоваться дождю: дождь ведь смывает все следы, и зверь смело подойдет к самой лежке.

Скучный осенний дождь не мог поднять настроения. Всё тело ныло, размяться хорошенько, сидя на дереве, нельзя было. И снова уже хотелось есть, а в мешке не осталось ни крошки.

Опять прилетел глухарь. Вытягивая черную шею, внимательно разглядывал замершего на дереве охотника.

Пришлось минут пять сидеть совсем без движения. Это было очень мучительно. Терпение лопнуло.

«Подожди же, проклятый!» — злобно подумал охотник и начал медленно, плавно, — чтобы не спугнуть сторожкую птицу, — поднимать ружье.

И уже когда мушка заблестела на черной груди громадной птицы, решил: «Уйду. Сегодня всё равно уж не придет», — и нажал гашетку.

Когда дым рассеялся, глухаря на ветке не было. Не было его, впрочем, и под деревом.

Только тут охотник вспомнил: «Ведь я его разрывной!»

Когда слез с дерева, он нашел только ключья глухариного тела. На камне у самой лежки валялась окровавленная черная голова с куском шеи.

«Не тебе эта пуля, — виновато подумал он. — Попал под сердитую руку».

В эту минуту он был сам себе противен. Мучила совесть: ведь это было совершенно бессмысленное убийство ради убийства.

Обратный путь через болото сошел благополучно.

Глава III РОКОВОЙ ПОВОРОТ

Целые сутки пробродив по лесу, Одинец опять пришел к болоту.

Не переставая сыпал дождь. Рассвело. Запаха человека не было слышно на берегу. Одинец переправился на остров. Следов и тут не

было. Зверь смело пошел к лежке.

Когда через короткое время он снова вышел на берег острова, он был страшен. Копыта, ступая, судорожно рвали землю.

Одинец видел растерзанное тело птицы и почуял кровь. Он обезумел.

...В этот день в лесу произошло необычайное происшествие, всполошившее всех окрестных крестьян.

Пастух той деревни, где жил у Ларивона охотник, по обыкновению выгнал в то утро стадо на лесной луг. В стаде был породистый бык — свирепое животное, много хлопот доставлявшее пастуху. Бык этот ни с того ни с сего приходил в ярость и бросался на людей.

Он решительно не признавал над собой ничьей власти, и даже пастуху не раз случалось спасаться от него за деревьями.

Стадо разбрелось по лугу, а пастух спрятался от дождя под деревом.

Услышав шум у себя за спиной в лесу, он подумал, что одна из его коров пробирается чащей. Он даже не обернулся и был поражен, когда из лесу около него вышел громадный лось.

Пастух клялся потом, что зверь шел через лес, ни на кого не обращая внимания.

Коровы тревожно замычали. Бык, который в это время находился на другом конце луга, обернулся, увидел лося и первый кинулся ему навстречу.

Пастух слишком хорошо знал силу племенного животного, чтобы усомниться в исходе битвы. Прямые и острые, как два кинжала, рога быка были направлены прямо в грудь высокого противника.

Лось, однако, и не подумал увернуться от страшного удара. Он тоже наклонил голову и смело — на полном ходу — встретил нападающего.

Бойцы сшиблись на середине луга. Пастух уверял потом, что от удара быка из рогов лося выскочил целый сноп искр. Но как бы там ни было, свирепый бык мгновенно слетел с копыт.

Удар Одинца был страшен. Ударил не он, — ударили с размаху все тридцать пудов его огромного тела. Толстая кость бычьего черепа треснула, как арбуз. Бык рухнул; каменные копыта Одинца неистово

забарабанили по распростертому телу, рассекая кожу и мясо, дробя кости.

И через минуту на том месте, где пало красивое и гордое животное, осталось от него только ужасное кровавое месиво.

Тогда Одинец запрокинул рога на спину и ушел в лес, ни разу не оглянувшись на обезумевшее от страха стадо. Коровы разбежались по всему лесу. Пастух и не пробовал их собрать: прямо побежал в деревню и поднял всех на ноги.

На летучий деревенский сход пришел и студент-охотник. Крестьяне были необычайно возбуждены, громко кричали все зараз, не давая никому сказать толком.

Охотник был удивлен, главным образом, тем, что ни у одного из спорщиков не нашлось ни одного доброго слова в защиту недавнего их любимца — могучего лесного великана. Спор шел только о том, как верней и скорей с ним покончить.

Сам охотник не чувствовал большой жалости к быку. Наоборот: он в этот раз был решительно на стороне смелого дикого зверя. Он втайне был восхищен лосем, так быстро расправившимся с тучным быком.

Впрочем, это чувство восхищения не помешало охотнику решить принять участие в облаве на Одинца, которая была решена тут же на сходе.

Крестьяне поднялись всей деревней. У кого были ружья, — пошли в стрелки; все остальные — кричанамн, загонщиками.

Расчет был на то, что лось не успел уйти далеко от места схватки с быком: надо было немедленно захватить его в кольцо и не пустить в казенный лес, где крестьяне не имели права охотиться.

Одинец действительно недалеко ушел от места битвы.

Он рано услышал гомон заглушённых человеческих голосов — раньше, чем загонщики успели обойти лес, а стрелки стать в цепь.

Старый зверь разом почуял беду, но с минутку простоял неподвижно, словно раздумывая, в какую сторону ему бежать.

Люди, разбившись на кучки, подходили спереди и сзади. Бежать можно было только вправо или влево.

Справа был лес, и в конце его — Одинец знал — море. Слева были болото и остров — испытанное убежище.

Но там, в его сокровенном убежище, побывал человек. Он больше не доверял этому месту.

Одинец повернул вправо.

Глава IV ЛОСЬ ПОШЕЛ

— Пошел! Пошел! — закричали по цепи.

Загонщики, сойдясь широким полукругом, двинулись к морю. Руководил облавой знакомый охотнику бородач. Он поставил стрелков в цепь. По его расчету, еще до моря, встретив препятствия, лось должен будет повернуть вспять. Тогда его встретят пули.

Короткий осенний день подходил к концу. Надо было спешить загнать зверя.

...Одинец уверенно шел вперед. Последний раз он был в этих местах несколько лет назад, но дорогу помнил хорошо.

И вот перед ним выросло препятствие: высокое прясло загородило ему путь.

Прежде тут прясла не было. Крестьяне обнесли им лес только этим летом. Городили высоко: чтобы скотина не могла перескочить жердей и уйти к морю.

Прясло высотой доходило Одинцу до головы. Препятствие казалось неодолимым.

Но когда лось пошел, что может его остановить?

Одинец не остановился и не повернул назад.

Ровной иноходью подошел он к пряслу и вдруг как на крыльях поднялся в воздух, пронесся на сажень от земли, не задев жердей ни одним копытом.

Пока загонщики подходили к пряслу и перелезали через него, Одинец всё шел и шел вперед.

Через несколько времени новое препятствие встретилось ему на пути. Густой сосновый молодняк стал перед ним непроницаемой стеной.

Деревца росли так тесно, что разве зайчонок сумел бы протиснуться между их стволами.

Огибать заросль значило потерять время.

Одинец пошел напролом.

Как снаряд из тяжелого орудия, врезалась его широкая грудь в густую заросль сосенок.

Крепкие деревья падали вправо и влево, образуя широкую брешь. Они не в силах были остановить стремительный ход тяжелого зверя.

Прорезав чащу, Одинец очутился перед третьим препятствием: дорогу ему пересекало каменное шоссе с глубокими канавами по обеим сторонам. По шоссе тархтели телеги. В телегах сидели люди.

И тут Одинец не остановился.

Не замедляя хода, он подошел к первой канаве и одним широким прыжком перемахнул на шоссе — перед самыми мордами лошадей.

Испуганные внезапным появлением громадного зверя, лошаденки шарахнулись в сторону. Дремавшие в телегах люди затпрукали и схватились за вожжи. Две телеги скатились под откос в канаву. Одна лошадь понесла назад по шоссе.

Не обращая внимания на грохот и крики, Одинец так же плавно махнул через другую канаву — и исчез в лесу.

Много времени спустя, когда загонщики дошли до шоссе, проезжие крестьяне еще обсуждали на месте неожиданное приключение. Телеги они уже вытащили из канавы.

Загонщики узнали от них, что лось у них на глазах скрылся в лес по ту сторону шоссе. Тогда бородач скомандовал цепи остановиться.

Лес, куда скрылся Одинец, был невелик: верста в длину, верста в ширину. За ним было море — широкий Финский залив.

Бородач послал людей в обе стороны окружить лес. Дал строгий наказ: не заходить внутрь, не шуметь и не разговаривать, чтобы не спугнуть зверя.

Становилось уже темно.

План у бородача был такой: взять Оди́нца в кольцо, дождаться рассвета, а там загнать зверя в море и прикончить.

Через полчаса, разложив костры по опушкам, загонщики спокойно стали располагаться на ночлег. Они хорошо знали, что Оди́нцу теперь от них не уйти.

Охотник был с ними. Он понял, что последнему лесному великану этого края пришел конец. Смертельный час его пробил.

Охотник думал только об одном: как бы сделать так, чтобы ему первому досталось выстрелить по загнанному зверю.

Рога старого лося должны достаться ему.

Глава V

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Сырая осенняя ночь заглушает звуки. Но чуткие уши Оди́нца слышали всё, что делается у него за спиной.

Там слышался говор и смех, люди ломали сучья, резко потрескивали костры. И Оди́нец знал, что сзади окружило его кольцо огня, спереди — вода.

Он стоял в чаще у самого берега моря. Дальше идти было некуда.

Берег некрутым обрывом сбегал к воде. Легкие волны спокойно плескали в песок; ветра не было. Далеко впереди в темноте то зажигался, то погасал золотой огонек Толбухина маяка. В небе не было огоньков, небо было черное.

Оди́нец повернул голову, пригнул ею соседнюю рябинку, как стамеской, срезал зубами горькую кору и стал медленно жевать ее.

Он ждал.

Бородач — распорядитель облавы — вспомнил, что у городского охотника хорошее ружье. С таким ружьем надо стоять в середине цепи. Концы станут заходить, — зверь, скорее всего, посередине захочет прорваться.

Бородач пошел по всей линии — искать у костра охотника.

Крестьяне спали у костров, оставляя одного сторожем — стеречь огонь.

Охотника не было нигде. Вечером его видали. Потом он исчез, никто не знал — куда.

Бородач подумал: «Дрыхнет где-нибудь под кустом!»

Сам примостился у огня, пригрелся.

Думал, засыпая: «До свету десять раз успеешь выспаться».

Сырая осенняя ночь тянулась медленно. Становилось холодно.

Утро обещало быть ясным.

Охотник не спал.

Он в темноте пробрался к самому берегу и залег в кустах.

Думал: «Зашумят, — Одинец сюда подается. Тут я его и встречу».

Смотрел, как далеко в темном море зажигается и гаснет золотой огонек: это на круглой башне Толбухина маяка вращалась яркая электрическая лампа, мигая кораблям. Слушал мелодичный плеск волн. Вспоминая Одинца, жалел его: не виноват же зверь, что бык на него набросился.

Но про себя думал: «Уж лучше я... Всё равно ведь убьют».

Светало.

Люди у костров расталкивали спящих, торопливо доедали принесенную ребятами еще с вечера еду.

Бородач обходил линию, отдавая последние приказания.

Трогаться назначил с восходом, всем сразу по сигналу.

Охотник видел, как блестящий краешек солнца показался из моря.

К берегу побежала золотая узкая дорожка. Так аккуратница-хозяйка стелет-раскатывает по чистому полу веселый половичок.

Охотник видел, как золотая дорожка солнца добежала до берега, заиграла искрами на песке.

Он слышал, как за лесом протрубила труба и раздались голоса загонщиков.

Он заметил, как что-то темное зашевелилось перед ним в чаще, увидел громадную фигуру зверя, внезапно вставшую над обрывом, — и поднял ружье.

Поджав задние ноги и вытянув передние, Одинец скользнул с обрыва — там, где золотая дорожка через всё море соединила берег с

солнцем.

Лось неторопливо дожевывал горькую ветку рябины. Дожевав, одним могучим движением вскинул голову с тяжелыми рогами, — и гладкая кость широких рогов засияла теплым золотом солнечных лучей.

Вдали стучали, шумели загонщики.

Зверь не обернулся.

— Как красив, ведь до чего красив! — бессвязно бормотал про себя охотник. Он положил ружье на сучок и шарил мушкой по телу зверя, нащупывая убойное место. — Он мой, мой теперь!.. — торжествовал охотник. — И как красив! Прямо хоть статую лепи!..

Вдруг Одинец шумно вздохнул и пошел в воду. Сердце упало:

— Уйдет!..

Охотник поймал на мушку переднюю лопатку зверя и плавно, по всем правилам стрельбы, нажал гашетку.

Выстрела не было.

Совершенно растерявшись, охотник взглянул на лося.

Лось шел по золотой дорожке, медленно погружался в мелкое у берега море.

Сзади сильно шумели загонщики.

Охотник перевел глаза на ружье.

Предохранитель бескурковки стоял на «S» (безопасно).

Одним движением пальца охотник отодвинул предохранитель на «F» (огонь) — и посмотрел на лося.

— Как красив! Вот если б она сейчас его видела...

Еще можно было стрелять. Но охотник опустил ружье.

— Беги!

Через минуту всё тело зверя погрузилось в воду. Видна была одна голова с позолоченными солнцем рогами.

— Милый, скорей же, скорей! — шептал охотник, бестолково размахивая ружьем.

Вдали на фарватере вереницей бежали серокрылые легкие лайбы. Черной полосой расстелив за собой дым, шел быстрый миноносец.

Загонщики подходили.

Одинец был уже вне выстрела.

Охотник скользнул глазами по берегу.

Нигде на берегу не было видно лодок.

— Ну, слава тебе, последний лесной великан! — громко произнес охотник и рассмеялся счастливым смехом.

Протянув руку, он показал подошедшим крестьянам далеко в море сверкающую точку.

Золотая дорожка солнца быстро свертывалась, убегала от берега, обнажая холодную гладь моря.

Глава VI В ГОРОДЕ

Прошла неделя.

Охотник снова превратился в студента, бегал в университет, торопливо ел, спал и развлекался. Быстрая городская жизнь закрутила его в своем безостановочном колесе.

В тот день он вышел из университета поздно и побежал домой по набережной.

Где-то за мостом заходило солнце. На той стороне реки корабельные доки сверкали бесчисленными стеклами.

«Как тут редко замечаешь солнце, — подумал студент. — А там только и глядишь на него».

Там — это в лесу. Студент частенько теперь ловил себя на мысли о лесе.

Он пробежал уже и мост, а солнце отодвинулось куда-то за колонны большого здания.

«Вот так и Одинец, — думал студент. — Плыл, плыл, — а солнце от него всё дальше. Захлебнулся — и пошел ко дну».

Впереди над серым камнем набережной резко выделился черный подъемный кран, хищно выгнутая стальная спина.

«...Или с миноносца какого-нибудь его застрелили», — уныло закончил свою мысль студент.

В это время он заметил идущую прямо на него знакомую женскую фигуру.

— Вы? — удивленно спросил он. — Разве вы уже вернулись?

Окинув одним взглядом всю его растерянную фигуру, девушка спокойно сообщила:

— Я была у вас, искала вас.

— Меня? — удивился студент. — Вы же писали, что ненавидите меня!

Не отвечая, она спросила:

— Убили Одинца?

Студент почувствовал облегчение:

— Нет, не удалось, — ответил он быстро. Но сейчас же поправился:

— Собственно, даже не не удалось, а я даже спас его. То есть не совсем спас, а так... не стал стрелять, хотя совсем уже...

Он совсем запутался в словах и, внезапно разозлившись на свою растерянность, отрезал:

— Одинца крестьяне загнали в море. Я видел, как он поплыл, — и не стал стрелять. Вот и всё.

Глаза девушки заблестели.

— Я так и знала! Так и должно было кончиться. Говорите скорей, в какой день он уплыл?

— В четверг на прошлой неделе. А что?

— А то, что Одинец ваш цел и невредим, — с торжеством объявила девушка.

— Его поймали в море? Откуда вы знаете?

— Лучше, гораздо лучше! Вот слушайте: в пятницу на той неделе, — я нарочно запомнила день, — по всему нашему берегу разнесся слух, что накануне вечером рыбаки видели громадного лося, плывущего с моря к берегу. Они, было, погнались за ним на лодках, но он успел достичь мелкого места и благополучно ушел в лес. Я отыскала этих рыбаков и всё проверила.

— Да что вы! — вскрикнул студент. — Вот молодец! А я-то был уверен, что он потонет. Ведь двадцать восемь верст воды! Вот здорово!

— Ага! — торжествовала девушка. — Теперь сами за него рады. А то «убью да убью!»

— А знаете, — улыбаясь сказал студент. — Если б не вы, так я бы, пожалуй, того... двинул бы его в последний момент. Ружье у меня на предохранителе оказалось, не выстрелило. Тут я вас вспомнил и одумался.

Девушка, краснея, протянула ему руку.

1927 г.

